

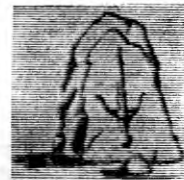


ЛЕГЕНДЫ
ПРИТЧИ
ИСТОРИИ
О МАСТЕРАХ
БОЕВЫХ ИСКУССТВ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ЦЕНТР
ВСЕСОЮЗНОЙ ШКОЛЫ
«СЕТОКАН—КАРАТЭДО»

ЛЕГЕНДЫ, ИСТОРИИ, ПРИТЧИ
О МАСТЕРАХ БОЕВЫХ ИСКУССТВ

Часть I



МП «СКРИЖАЛИ»

Котлас,
1991

СОДЕРЖАНИЕ

В настоящий сборник вошли записи устных рассказов, переводы классических преданий, отрывки из публикаций советских и зарубежных авторов, материалы самиздата.

Список использованной литературы:

- Лао Шэ. Избранное. Прогресс, 1981.
- Знамя, 1985, № 3.
- Дзэнское мясо, дзенские кости... антология малых форм японской литературы. Перевод С. Сепинадла.
- А. А. Долин, Г. В. Попов. Кэмпо — традиция воинских искусств. М. Наука, 1990.
- Встреча. 1990—1991, статьи В. Фомина, И. Линдира и др.

Ответственный за выпуск: А. Коломинов

Художественное оформление: О. Корольков

Легенды, истории, притчи о мастерах боевых искусств. «Котлас, МП» Северо-Западный центр Сегокан-каратэдо «Скрижали», 1991. с. зл.

Данное методическое пособие предназначено всем интересующимся различными видами восточных единоборств и является сборником поучительных историй из жизни старого Учителя и его учеников, легенд о поистине фантастических достижениях мастеров будо, рассказов о различных методиках тренировки духа и тела, присущих восточной традиции.

	Стр.
К читателям	5
Старик в черном кимоно	7
Учитель Бандзо	11
Девяностолетний Ан	13
Ленивый кот	15
Путь через пропасть	17
Мудрый мальчик	18
Разящее копье	21
Коити Тохеи	38
Бой с быком	42
Легенда о Брюс Ли	46
Мастер Дун	54
Каратэ против кун-фу	57
Король Чинг-о	63
Учитель и шесть учеников	66
Дао-Путь	67
Силач Гуньи Бо	67
Мастер и нерадивый ученик	69
Старик и тигр	70
Японец и пьяные матросы	71
Будда и обезумевший слон	72
Пристыженный Суэки	73
«Бестолковый» ученик	75
Просветление Учителя	77
Просчет убийцы	79
Карлик Дзиннай	79
Хитроумный ниндзя	81
«Харакири» ниндзя	82
Алчный разбойник	83
Бочка с горячей водой	84
Камень над пропастью	86
Сила искренности	87
Стрелок из лука	87
Смысл великого Дао	88

Монах Рин-Ан	88
Сосредоточение в точке	89
Купание в горной речке	91
Удар одним пальцем	93
Просветление Ма-дзу	94
«Входящий в поток»	95
Два мастера	96
Бойцовский петух	98
Змея и ветер	99
Врата рая	100
Орел и решка	102
Профессор и мастер Дзэна	103
Дзэнский старец и вор	103
Ояма и камень	104
Сила против техники	105
Эффективный прием	107
Ямагути и тигр	107
Мусаси и четыре мухи	109
Мусаси и Гоноскэ	109
Мусаси и Дзюбэй	111
Старик и драчун	112
Проходящий сквозь огонь	115
Побеждающий не прикладывая рук	116
Мастер и три сына	117
Мастер Фугэй	118
Мастер Таккан	118
Мастер Хофуку	118
Роси Тайи	119
Роси Ямамото	123
Битва мастера Абэ	123
Учение Абсолютной пустоты	129
Спящий мастер	130
Воин тени	130
«Пустая рука»	134
Последний экзамен	143

К ЧИТАТЕЛЯМ

Нынешняя жизнь каждого из нас полна стремления найти выход из реальных, все раздражающих противоречий, одновременно отмечена поиском ответов на вечные вопросы, обращением к духовному опыту древнего востока, секретам и тайнам мастеров будо.

Наш читатель, разумеется, занят не абсурдным противопоставлением восточных канонов «пустоты» и «недеяния» принципам «массовой» физкультуры и спорта, а стремлением понять, что без глубоких философских и духовных основ любое дело заведомо обречено.

Восточная философия будо (дзэн, чань, дхьяна) сложна для понимания. Но примеры из жизни Мастеров непременно подводят к размышлению и глубинному пониманию. Примеры терпения, упражнения, желания формируют наш дух, лежащий в основе философии мироздания.

Многоцветно древо боевых искусств. Внешняя техника приемов — это лишь цветочки. Спелые плоды дает вкушать Мастер лишь сформировавшемуся духу ученика, чуждому злобе, ненависти, суете и самомнению. Арсенал парадоксальных секретов тактики будо: искренность, естественная раскрепощенность,

абсолютная незаинтересованность в результате, вкладывание средств в свой убыток, неподдельное переживание нежности к своему противнику, как расшалившемуся ребенку, следование ему во всем — полезно каждому занимающемуся будо перенести в нашу повседневную жизнь, искусственно ожесточенную экономическим, политическим и духовным кризисом.

Выпуск такого сборника, на наш взгляд, как нельзя кстати. Сегодня мы задумываемся: а на том ли мы пути? Пестуем ли мы дух, пестуя свое тело? Мы предпочитаем мясо духовной пище? Но цена запоздалых духовных решений растет. Это видит каждый.

А пироженное, действительно, может быть, очень вкусное. Всего вам доброго.

Леонид Раздобурдин.

СТАРИК В ЧЕРНОМ КИМОНО

Тридцать спиц сойдутся
В ступице колеса;
Но можно ли пользоваться повозкой —
Зависит от той части
Ступицы, которая остается пустой.
Замкнутой.
Вылеплена глиняная чашка;
Но можно ли пользоваться чашкой —
Зависит от той ее части,
Которая остается пустой.
Проруби окна и двери
В доме, который ты строишь;
Но можно ли пользоваться домом —
Зависит от пространства
Между стенами, которое остается пустым.
Так что польза извлекается
Из того, что есть;
Но пользоваться можно тем,
Что происходит из ничего.

Это стихотворение одного китайского поэта, — пояснил учитель.

...Запомни это стихотворение. Оно поможет тебе понять последнюю главу сочинения Миямото Мусаси — «Ку-но маки» — «Книгу пустоты». Философы всегда пытались понять, что такое объективная действительность, ре-



альность. Проще всего сказать так: то, что реально, то и существует. Вот татами. Ее можно потрогать, следовательно, она существует. Но что сказать о красоте? Ты можешь потрогать красивую вещь, но не саму красоту. Так что же, красота не существует? Нет, разумеется, она существует, потому что мы можем говорить о ней, можем представить ее себе. Некоторые говорят, что красота существует лишь в представлении человека. Но разумнее сказать, что красота действительно существует, только по-другому.

...Сакумаса оканчивал обучение, и учитель был обязан растолковать ему суть «Книги пустоты», замыкающей «книгу пяти колец» Миямото Мусаси. Не зная книги Мусаси, нельзя стать воином.

— Еще один пример, — продолжал учитель. — Для тебя зеленый и красный цвета реальны, но для слепого они не существуют, верно? Я подвожу тебя к единственно правильному взгляду на вещи. Каждый предмет существует только в соотношении с другими предметами. Каждый предмет лишен реальности, ничто не существует само по себе. Все в мире находится в постоянном изменении. Природа реальности в этом изменении. Процесс изменения и есть «Ку» — пустота. Ты

же знаешь сутру «Сенге», с которой последователи школы дзэн начинают свой день.

— Да, — кивнул Сакумаса, — форма — это пустота, пустота есть форма: форма не что иное, как пустота, пустота не что иное, как форма; то, что есть форма, есть пустота, то, что есть пустота, есть форма.

Мусаси говорит: «То, что нельзя узнать, есть пустота». Это пустота не математический ноль, не отрицание бытия. Пустота означает нечто, лишённое самостоятельной реальности, процесс постоянного, взаимосвязанного изменения вещей. Познать природу реальности — значит поднять постоянность этого процесса и перестать делать различия. Когда ты начинаешь различать что-то, твой мозг останавливается, и ты выпадаешь из мирового процесса. Попытаться определить отличие татами от красоты и значит заставить мозг остановиться. Думать о смерти, когда стоишь лицом к лицу со своим врагом, значит остановить свой мозг...

— Внутри тебя должна быть пустота, ее ты заполнишь пониманием структуры мироздания, и тогда достигнешь просветления. И тебе откроются замыслы противника, и тем самым он станет заведомо слабее тебя. Ты сконцентрируешь в себе всю силу сущего и победишь врага.

УЧИТЕЛЬ БАНДЗО

— В одной из популярных «дзэновских историй», вошедших в сборник «Плоть дзэн, кости дзэн», рассказывается о сыне известного фехтовальщика, вознамерившемся в совершенстве овладеть искусством своего отца. Однако его отец, считая, что сын фехтует слишком посредственно, чтобы когда-нибудь достичь подлинного мастерства, отказался обучать его. Тогда юноша — его звали Матадзюро — нашел другого знаменитого фехтовальщика по имени Бандзо, но тот тоже отказался. «Ты хочешь изучать фехтование под моим руководством? Но ты не сможешь выполнить моих требований», — сказал он. Однако юноша настаивал на своем: «Если я буду упорно трудиться, сколько лет у меня уйдет, чтобы достичь мастерства?» «Вся оставшаяся жизнь», — ответил Бандзо. «Но я не могу ждать так долго, — сказал Матадзюро, — и готов преодолеть любые трудности, если Вы все же возьметесь меня учить. Если я буду преданно служить Вам, сколько времени тогда потребуется?» «Ну, лет десять», — смягчился Бандзо. «Отец мой стареет, и скоро я должен буду заботиться о нем,

— продолжал Матадзюро. — Если я буду трудиться еще упорнее, сколько лет потребуется тогда? «Тогда лет тридцать, — ответил Бандзо». «Как это! — спросил Матадзюро. — Сначала Вы говорили десять лет, а теперь тридцать. Я готов на все, я готов преодолеть любые испытания, лишь бы поскорее достичь мастерства!» «Ну, — сказал Бандзо, — в таком случае тебе придется оставаться со мной семьдесят лет. В такой спешке человек редко достигает результата в короткий срок». «Хорошо, — ответил юноша, поняв наконец, что он проявил неуместное здесь нетерпение, — я согласен». Матадзюро было велено не говорить больше о фехтовании ни слова и не притрагиваться к мечу. Он готовил учителью пищу, мыл посуду, стелил постель, убирался во дворе, работал в саду, даже не пытаясь напомнить о фехтовании. Прошло три года, Матадзюро все продолжал работать. Думая о будущем, он становился печальным. До сих пор он даже не приступил к изучению искусства, которому посвятил свою жизнь. Но однажды Бандзо подкрался к нему сзади и неожиданно нанес ему ужасный удар деревянным мечом. На следующий день, когда Матадзюро готовил рис, Бандзо опять неожиданно напал на него. С тех пор день и ночь Матадзюро пришлось ожидать внезапных уда-

ров. Каждый день и всякое мгновение он помнил «вкус» меча Бандзо. Он совсем лишился покоя и всегда должен был быть на чеку. Прошло несколько лет, прежде чем он научился отражать удар, откуда бы он не пришел. Но учитель все еще был им не совсем доволен. Однажды, когда Бандзо был занят приготовлением пищи и склонился над кастрюлей, чтобы помешать ее содержимое, Матадзюро решил, что настал момент, которым нельзя не воспользоваться. Схватив тяжелую палку, он обрушил ее на голову Учителя. Но палка не достигла головы — Бандзо отбил ее крышкой кастрюли. Только теперь ученик понял секрет мастерства, дотоле от него скрытый, и впервые оценил несравненную доброту своего Учителя. Так Матадзюро стал величайшим фехтовальщиком в стране.

ДЕВЯНОСТОЛЕТНИЙ АН

— Однажды перехватил я молву о девяностолетнем Ане, который-де, с одной стороны, народный лекарь, а с другой — не знаешь, как сказать... Может якобы сечь себя саблей, и раны мгновенно закрываются.

— Старец восседал в торжественном черном пиджаке с правительственными наградами на груди. Под глухие раскаты барабана ему (а с ним и нам) поднесли попробовать сабли. Наточены были дай боже...

— Увидели мы танец. Сабли, по две у каждого, выписывали сверкающие зигзаги, вспыхивали на солнце, будто вокруг тел кружили молнии. Потом — что же это? Один за другим они полосовали себя саблями по всему телу: руки, животы, шеи, выставленные языки... Слухи кое-что все же перепутали, никаких ран не было.

Обнаженные тела не поддавались оружию.

Мы смотрели во все глаза: может трюк, и сабли скользят, не прикасаясь к телу? В полуторах метрах от нас падали срубленные теми же саблями стволы бананов. Хорошо было видно, как под лезвиями вминается и ерзает живая кожа — вот ближайший из танцоров яростно пилит икру на ноге, икра продавливается, под нажимом ходит ходуном из стороны в сторону и... Ни капли крови. Тела бугрились мускулами, гладко лоснились от пота — и только.

Они не походили на людей, вставших в беспамятный транс, вполне замечали, что кругом.

«Молодым» ученикам Аня оказалось за пятьдесят, на обучение у старика им, сказали, потребовалось тридцать лет. В чем же секрет? «Тренировки... Умение настроиться... Особая концентрация воли». А если бы, положим, саблей полоснул я? «Во время танца — пожалуйста, сказали бы раньше, мы бы вам дали саблю». А теперь? «Теперь у меня тело опять, как у вас».

ЛЕНИВЫЙ КОТ

У одного самурая завелась крыса, от которой он никак не мог избавиться. Тогда он приобрел кота — великолепного: сильного и смелого. Но крыса, более быстрая, только издевалась над ним. Самурай взял другого кота, очень хитрого и коварного. Крыса почувяла неладное и показывалась только тогда, когда он спал. Монах соседнего монастыря Дзэн предложил тогда самураю своего кота: у него был вид весьма посредственный, он все время дремал, совершенно безразличный ко всему окружающему. Самурай пожал плечами, но кота взял. Кот все время спал, и скоро крыса вновь осмелела: она ходила взад — вперед перед котом, внешне безразличным. И однажды, внезапно, одним ударом лапы кот ее сразил.



ПУТЬ ЧЕРЕЗ ПРОПАСТЬ

Однажды некий самурай пришел к легендарному Учителю Миамото Мусаси и попросил научить его Пути сабли. Тот согласился. Самурай, по указанию Учителя, проводил все время, таская и рубя саблей дрова, ходил за водой к далекому источнику. И так каждый день на протяжении трех лет. И вот он заявил своему учителю: «Что же это за тренировка, которой я занимаюсь? Я не притронулся к сабле со времени моего прихода сюда. Я занимаюсь тем, что колю дрова и ношу воду весь день! Когда Вы будете меня учить?»

«Хорошо, — ответил Учитель, — я обучу Вас технике». Он пустил его в додзе и приказал ему каждый день с утра до вечера ходить по внешней стороне татами, когда одна нога следует за другой, потом скользит и, таким образом, шаг за шагом, обходить весь зал.

И вот ученик ходит в течение года по краю татами. По истечении этого времени он опять обратился к Учителю: «Я самурай и много занимался фехтованием, встречал разных учителей кендо. Но никто из них не учил ме-

ня так, как Вы это делаете. Научите меня, наконец, настоящему Пути сабли».

«Хорошо, — сказал Учитель, — следуйте за мной». И он отвел его далеко в горы, туда, где находилась деревянная балка, переброшенная через пропасть ужасающей глубины. «Вот, — сказал Учитель, — переходите по ней на ту сторону пропасти». Ученик ничего не ответил.

Вдруг они услышали позади себя «тук-тук-тук» — звук палки слепого. Слепой, не подозревая об их присутствии, прошел рядом с ними и пересек балку, перекинутую через пропасть, наступывая ее своей палкой-ключом. И тогда ученик все понял и... прошел по узкому мостику в одно мгновение.

Итак, школа была полной: тренировка тела в течение трех лет; тренировка сосредоточения и концентрации на технике (ходьба) в течение года и тренировка перед лицом смерти (пропасть).

МУДРЫЙ МАЛЬЧИК

В Индии был великий ученый по имени Вьяза. Он известен как святой человек и как автор афоризмов Веданты. Его отец старался достигнуть совершенства, но не достиг его,

дед и прадед стремились к тому же, но неудачно; сам он достиг лишь отчасти, но его сын Зука уже родился совершенным. Вьяза учил сына мудрости, и, научивши истинному познанию себя, послал ко двору короля Джанака. Это был великий король, и его звали Джанака—«Видоха», что значит «вне тела». Хотя и король, он совершенно забывал, что был вне тела, — всегда чувствовал себя только духом. Мальчика Зуку отец послал к нему доучиваться мудрости. Король знал об этом и заранее сделал некоторые распоряжения. Когда мальчик явился ко дворцу, стражи не оказали ему никакого внимания. Они предложили ему сесть, и он сидел у ворот три дня и три ночи, причем никто не говорил с ним и не спрашивал, кто он и откуда пришел. Его отца почитала вся страна, да и сам он был в высшей степени уважаемая личность, и несмотря на это, ничтожные простые сторожа не обратили на него никакого внимания. По прошествии трех суток вдруг появились министры и высшие сановники и оказали ему самый почетный прием. Они пригласили его во дворец, привели в великолепные комнаты, предложили ароматичную ванну и чудные одежды, и в течение восьми дней окружали его всевозможной роскошью. Торжественно спокойное лицо

Зука не обнаружило ни малейшего изменения при этой перемене в обращении с ним. Он был тот же среди роскоши, как и у ворот. Наконец его привели к королю. Король сидел на троне, играла музыка, кругом шли танцы и другие развлечения. Король дал ему наполненную до краев чашу с молоком и предложил обойти семь раз вокруг зала, не пролив из чашки ни одной капли. Мальчик взял чашу и пошел, сопровождаемый звуками музыки и окруженный со всех сторон восхитительными лицами. Он обошел зал семь раз, и ни одна капля молока не была пролита. Ум мальчика не могло привлечь ничто в мире, раз он сам не позволял влиять на себя. Когда он принес чашу королю, тот сказал ему: «Я могу только повторить то, чему тебя научил твой отец и чему ты сам научился; ты познал истину, и можешь идти домой».

Мораль: человек, научившийся управлять собою, не может попасть под влияние чего-либо внешнего; для него нет больше рабства, его ум стал свободным. Только такой человек может надлежащим образом жить в миру.

И только когда вы освободитесь от чувства привязанности к чему-либо, для вас не будет ни добра, ни зла. Различие между добром и

злом является только следствием эгоизма. Понять это сразу очень трудно, но со временем вы узнаете, что ничто в мире не может влиять на вас, пока вы сами не позволяете. Ничто не имеет власти над человеческим Я, пока это я не утрачивает ума и независимости. Отсутствием привязанности вы побеждаете и уничтожаете силу всякого внешнего воздействия на вас. Такой человек в счастье и несчастье одинаков, — остается тем же при всяких условиях.

Для тех, кто не управляет своим умом, мир полон зла или, в лучшем случае, представляет собою смесь добра и зла. Но когда мы становимся хозяевами своего ума, тот же мир представляется нам самым привлекательным. Ничто тогда не действует на нас, как добро, так и зло, но мы находим все таким, каким оно должно быть, то есть гармоничным.

РАЗЯЩЕЕ КОПЬЕ

Дом, где раньше помещалась «Фирма» телохранителей Ша Цзы-луня, давно превратился в обычный заезжий двор...

Восток не мог не пробудиться от великого сна. Гром пушек заглушил рев тигров в малайских и индийских джунглях. Люди

спросонок продирали глаза, молились богам и предкам; вскоре они потеряли свои земли, свободу, независимость. Люди другой расы стояли у дверей, и дула их ружий еще дымились. Разве могли теперь помочь длинные копыя, отравленные стрелы и толстые щиты, ярко расписанные цветами и змеями? Даже предки и боги, в которых верили предки, потеряли силу. Китай драконового знамени перестал быть загадкой; появились поезда, их рельсы пересекли могилы предков, растоптали местные святыни. Оранжево-красные знамена с кисточками, мечи с ножами из зеленой акульей кожи, звенящие колокольчиками уздечки, осторословие, крепкая брань всевозможных бродяг, слава и доблесть, а вместе со всем и Ша Цзы-лун, его военное искусство и предприятие минули как вчерашний день. Сегодня — поезда, скорострельное оружие, торговля, террор... Поговаривают даже, что нашлись люди, которые хотят отрубить голову самому императору.

То было время, когда телохранители потеряли кусок хлеба, а революционная партия вместе с просветителями еще не начала пропагандировать национальное военное искусство.

Кто не знал Ша Цзы-луна, невысокого и худого, быстрого, крепко сбитого, с глазами,

горящими, как звезды в морозную ночь? Теперь Ша растолстел. Он занимал три северные комнаты в заднем дворе, его славное копые стояло в углу, а во дворе устроили голубятню. И только по ночам, заперев ворота маленького дворика, Ша снова пробует свой коронный «удар, поражающий пятерых тигров ударом», двадцать лет удерживающий за ним на всем Северо-западе славу «Ша Дзылуна с волшебным копьём», не знавшего себе равных. Теперь и копые и искусство не могли больше приумножать его славу, и, только поглаживая гладкое, холодное, твердое и дрожащее копые, он находил — пусть небольшое — облегчение своему страданию. И только по ночам, держа в руке копые, он мог поверить, что «несравненный Ша Цзылун» — это он сам. Днем он не очень любил говорить о военном искусстве и прошлых временах; его мир унесло ураганным ветром.

Обученная им когда-то молодежь изредка еще навещала учителя. Большинство учеников опустили и нигде не могли применить свое мастерство. Многие выступали на ярмарках и храмовых праздниках, притопывали ногами, раскладывая свои принадлежности, продельвали сальто, а попутно... торговали таблетками, дающими великую силу. Все это давало им возможность заработать пару—



другую медяков. Иные из них в самом деле не могли сидеть без дела—они плели корзины для фруктов, возили на рынок фасоль и спозаранку выходили на улицы, громко зазывая покупателей.

В те времена мясо и рис были дешевы, и всякий, кто хотел заработать силой своих мускулов, не остался бы голодным. Но не таковы были эти люди. Запросы соответствовали аппетитам: сухие хлебцы и наперченные лепешки были им не по вкусу. И они предпочитали выступать на ярмарках — конечно, в сравнении с работой телохранителя все эти фокусы были сушей безделкой, но все же давали им возможность продемонстрировать свое искусство.

Выступления — занятие унижительное, приходилось подобающим образом наряжаться — ну хотя бы в синие атласные шаровары, белые куртки тонкого полотна, туфли, украшенные рыбьей чешуей, или синие атласные туфли с вышитыми на них головами тигров.

Ученики «Ша Цзулына с волшебным копьем» (хотя сам он за учеников их не признавал) должны были ходить повсюду, чтобы показать себя, участвовать в храмовых праздниках ради пары юаней, а иной раз и ввязывались в драки. Когда денег у них не было,

они шли к Ша Цзылуну. Старый Ша не был жадным, он им не отказывал, не отпускал с пустыми руками. Но когда его просили научить каким-то приемам — будь то драки или же просто для выступления, приемам защиты (как голыми руками отнять нож) или удару «голова тигра», — старый Ша обращал разговор в шутку, спешил уйти или говорил: «Чему еще учиться! Давай-ка лучше согреем чаю!» — а иной раз и просто-напросто выпроваживал своих учеников. Они никак не могли понять, что творится со старым учителем, и расходились недовольные.

Но повсюду они пели Ша Дзылуну громкую славу. Делалось это с двойкой целью: во-первых, показать, что свое искусство они заимствовали от настоящего учителя, что оно подлинное, а не поддельное, и, во-вторых, чтобы подзадорить старика — вдруг кто-нибудь да и не поверит и пойдет разыскивать самого Ша Цзылуна. Неужели и тогда он не продемонстрирует своих заветных приемов? А посему: «Учитель Ша ударом кулака повалит быка, пинком забросит человека на крышу дома, и — заметьте! — без особых усилий». Сами они такого, конечно, не видели, но, чем чаще повторяли эти слова, тем больше верили в их истинность: могли указать даже время и место и поклясться, что это правда!

Ван Победитель, старший ученик Ша Дзылуна, расчистил сцену перед местным храмом, разложил свои принадлежности. Он растер последние крошки нюхательного табака, по цвету напоминавшего чайные листья, взмахнул, как бы раздвигая сцену, хлыстом. Затем положил хлыст и, не поклонившись публике, сказал:

— Молодцы, шагающие по дорогам Поднебесной! Перед вами боец, чей кулак известен бродягам по любой дороге. — Он снова обвел глазами публику. — Земляки! Ван Победитель не циркач, а на что, собственно, способен циркач? Знает несколько приемов, и все. Я был телохранителем на дорогах Севера-Запада. Встречал молодцев из зеленых чащоб. Сейчас же свободен, сижу без дела и вот, чтобы развлечь, выступаю перед вами. Кто хочет попробовать — любой, — пусть выходит. Ван Победитель встретит его — пусть с оружием, но как друга. Кто хочет удостоить меня такой чести? «Ша Цзылун с волшебным копьём» — мой учитель, и искусство мое настоящее. Итак, господа, есть желающие? — Он осмотрел всех, наперед зная, что никто не решится выступить. Как ни убедительны его слова, хлыст с железным наконецником весом в восемнадцать цзиней (мера веса, равная 0,6 кг) еще убедительнее.

Ван Победитель, верзила с мясистым лицом, с большими черными сверкающими глазами, осматривал собравшуюся публику. Стояла глубокая тишина. Он снял куртку, подпоясался потуже, выпятил живот. Поплеывая на руки, взял в руки меч и сказал:

— Господа, Ван Победитель потренируется, а вы посмотрите. Когда я закончу, кто может — бросит мне несколько медяков. У кого нет денег, тот просто похвалит меня, и это придаст мне новые силы. Здесь не торги. Ну что ж, смотрите!

Большой меч приблизился к телу, зрачки закатились, лицо напряглось, грудь выпрямилась. Он стоял как старая сосна, пустившая в землю корни. Прыжок — меч поперек груди, красные кисточки трепещут. Меч рассекает воздух, Ван приседает, согнув ноги в коленях, и делает стремительный разворот, руки описывают полукруг. Вдруг меч оказывается в правой руке, он крутится, тело Вана слегка поддается назад, а кругом ни звука, ни пичьего гомона, только слабо звенит колокольчик. Но вот меч застывает в руке, ноги быстро притаптывают землю, тело распрямляется, и Ван, подобно черной пагоде, оказывается выше толпы на целую голову. Мгновение, и он принимает обычную позу.

— Господа! — Одна рука сжимает меч, другая упирается в бок, он обводит взглядом окружающих. Летят медяки, он наклоняет голову.

— Господа! — вновь говорит он и ждет, но, кроме уже брошенных медяков, на земле ничего нет. Люди расходятся. Он вздыхает.

— Никто не поймает! — шепчут его губы, но все это слышат.

— Я желаю! — говорит старичок с желтой бородкой.

— А? — Ван Победитель делает вид, что не расслышал.

— **Я говорю, что желаю померяться силами**, — неприятно подчеркивая каждое слово, повторяет старик.

Отложив меч, Ван Победитель смотрит, как и все собравшиеся, на старика. Старик никому не понравился: маленький острый подбородок, грубый синий халат, обтянутое кожей лицо, глубоко посаженные глаза. На плечах косы, тоненькие, как палочки для еды, но не такие прямые.

Видя, что старик готов с ним сразиться, Ван оживился, глаза его заблестели. Глубоко посаженные глаза старика, черные, как дно колодца, сверкали огнем. Ван Победитель не испугался, он смотрел, не хочет ли еще кто-нибудь принять участие. Он верил в свое ма-

стерство — ведь он чувствовал себя генералом под командованием самого Ша Цзылуна.

— Ну что ж, идите сюда, сразимся, почтенный дядюшка! — сказал Ван с чувством собственного достоинства.

Кивнув, старик вышел в круг. Кругом засмеялись. Руки старика казались малоподвижными, правая нога волочилась. Он выглядел как человек, перенесший тяжелую болезнь. Очутившись на сцене, он скинул халат, не обращая внимания на смешки публики.

— Ученик «Ша Цзылуна с волшебным копьем», говоришь? Отлично. Ты бери пику, а я? — Старик был возбужден и торопился, будто давно искал случая сразиться.

Публика снова стала собираться. Циркач с медведем, стоявшие неподалеку, больше никого не интересовали, несмотря на настойчивый призыв гонга.

— Будешь защищаться против пики трезубцем? — спросил Ван, желая прощупать старика. Ведь Ван знал, что пользоваться трезубцем надо уметь.

Старик молча согласился и поднял трезубец. Ван Победитель закатил глаза, потряс пикой в воздухе. Вид его был страшен.

Глаза старика, казалось, стали еще меньше, еще чернее; они напоминали два тлеющих

кончика палочек фампама. Двигаясь из стороны в сторону, они неотрывно следили за острием пики. Вану стало не по себе: черные горящие глаза, точно магнит, притягивали острее пики. Кругом собралась такая толпа, что дождь и ветер не могли пробиться. Все поняли, что старик не новичок. Чтобы как-то заслониться от пронизывающего взора черных глаз, Ван взмахнул пикой, и кисточки на ней заиграли. Бородка старика взметнулась.

— Прощу!

С пикой в руке Ван шагнул вперед, нацелил пику в горло старика и метнул ее. Кисточки закружились красным вихрем. Тело старика вдруг точно ожило, он слегка пригнулся и, ловко избежав удара, сделал бросок вперед и сам нанес удар по руке Вана. Бам-бам! Пика Вана Победителя лежала на земле. Из толпы раздались одобрителльные крики. Ван Победитель покраснел до корней волос, снова поднял пику и направил ее в грудь старика. Снова засверкали черные угольки глаз. Старик присел на ногу и, оттолкнувшись, прыгнул вперед, прежде чем Ван успел пошевелинуть пикой. Удар! И пика снова оказалась на земле.

Кругом царило оживление. С Вана градом катил пот, он больше не нагнулся за своей пикой. Старик аккуратно положил трезубец,

накинул халат и, волоча ногу, подошел к Вану.

— Надо еще потренироваться, приятель!

— Не уходите, — сказал Ван, вытирая капли пота с лица. — Ван побежден, но не уходите. Встретьтесь с учителем Ша!

— Ради этого я и приехал. — Подбородок старика сморщился, точно в усмешке. — Пошли, собирай вещи, за ужин плачу я!

Ван Победитель сложил свои принадлежности возле фокусника по прозвищу Рябой и зашагал за стариком. За ним следом двигалась толпа. Ван разогнал любопытных.

— Ваше почтенное имя? — осведомился он.

— Сунь, — сухо ответил старик. — Люблю упражняться в военном искусстве, давно мечтаю встретиться с Ша Цзылуном.

«Ша Цзылун с тобой да не справится!» — подумал Ван. Он прибавил шагу, но старика не обогнал. Старик при каждом шаге выбрасывал вперед руку, и ноги двигались в такт движению рук. Шел он очень быстро, и Ван едва поспевал за ним.

— Откуда родом, почтенный Сунь? — поинтересовался Ван.

— Из Хэпзяни. Место незначительное. — Голос старика слегка потеплел. — Для ме-



ча и пики нелегко найти время. А у тебя получается неплохо! — похвалил он Вана.

У того снова на лбу пот проступил, но он смолчал.

Подошли к заезжему двору Ша Цзылуна. Сердце Вана сильно колотилось: он боялся, что учителя Ша нет дома... Ван знал, что старый учитель не любит заниматься подобными делами, ученики его не раз попадали впро- сак. Но Ван был уверен, что ему учитель не откажет, ведь он его старший ученик... А кроме того, люди, которые были на праздни- ке, разнесут о случившемся далеко вокруг — ведь это позор для него, Ша Цзылуна.

Ша сидел за столом и читал.

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

Ван покраснел, губы его зашевелились, но слова застыли на языке. Ша Цзылун под- нялся из-за стола.

— Так что же случилось? — спросил он.

— Я побежден!

Ша усмехнулся и ничего не сказал. Ван Победитель нервничал, но старался сдержи- вать себя. Ему хотелось подзадорить учителя.

— Старик по имени Сунь ждет Вас за две- рями. Он... мою пику... вышиб из рук два ра- за подряд!

Ван знал, что слово «пики» много значит для старого учителя. Не дождавшись прика- зания, Победитель побежал из комнаты.

Гость вошел. Ша Цзылун ждал его в пер- вой комнате. Они поприветствовали друг дру- га, сложив руки, сели. Ша послал Вана при- готовить чай. Ван ждал, что старики тотчас померятся силами, уходить ему не хотелось, но пришлось. Старик Сунь молча изучал Ша Цзылуна, не спуская с него пытливых глаз. Тот был отменно вежлив:

— Если Победитель с вами обошелся не так, как надо, — простите его. Он еще молод.

Сунь был несколько разочарован, но почув- ствовал, что перед ним человек умный.

— Я пришел к вам поучиться! — сказал Сунь.

Ша Цзылун не принял вызова. Вошел Ван с чайником. Он спешил посмотреть, как схва- тятся старики, поэтому принес невскипевшую воду и разлил ее в чашки.

— Победитель, — сказал Ша, поднимая чашку, — разыщи-ка Сяо-шуня и Тянь-хуэя, мы с почтенным Сунем будем ужинать.

— Что, что? — упавшим голосом переспро- сил Ван. — Вот как! — Он был вне себя, хотя и не решался высказать это.

— Нелегко с учениками? — спросил Сунь.

— У меня нет учеников. В чайнике не кипят. Пойдемте в чайную. Перекусим, выпьем чаю.

Ша Цзылун положил в атласный кошелек нюхательный табак, деньги и упрятал его за пояс.

— Нет, я не голоден, — решительно заявил Сунь.

— Тогда поговорим немного.

— Я пришел поучиться вашему искусству.

— Вы опоздали. — Ша показал на свой живот. — Я растолстел!

— Ну и что же. Научи меня своему «поражающему пятерых тигров удару».

— Моему удару? — усмехнулся Ша. — Забыл. Начисто забыл! Говорю тебе: поживи здесь у меня несколько дней, мы погуляем с тобой, а потом я дам тебе денег на обратную дорогу.

— Зачем мне гулять? В деньгах я не нуждаюсь. Я приехал учиться искусству. — Сунь поднялся. — Посмотри, я покажу, что умею, а ты скажи, достаточно ли я овладел мастерством.

Не дожидаясь ответа, он так стремительно выбежал во двор, что спугнул голубей. Скинув халат, старик заработал кулаками, ноги его стали подвижными, руки — стремительными. Косички закружились в воздухе, как

спустившиеся с неба бумажные змеи. Быстрые удары сыпались во все стороны с удивительной точностью... Он двигался по кругу, приближался и снова удалялся. Но вот кулаки замерли, старик остановился. Так спугнутые птицы вдруг сразу возвращаются в свой гнезда.

— Отлично! Отлично! — сказал Ша Цзылун.

— Научи меня своему удару!

Ша Цзылун спустился со ступенек.

— Почтенный Сунь, истинно говорю тебе: мое копьё и мое искусство вместе со мной лягут в гроб!

— Не научишь?

— Не научу!

Бородка Суня зашевелилась, но он не сказал ни слова, затем вбежал в комнату и собрал вещи.

— Ну что ж, прощай!

— Отужинай со мной, тогда поедешь!

Сунь промолчал.

Ша Цзылун проводил гостя до двери, вернулся в комнату и склонил голову перед стоящим в углу копьём. Затем он направился в чайную, где его должен был ждать Ван Победитель.

С тех пор Ван не выступал на храмовых праздниках и ярмарках, и никто больше не

воспевал Ша Цзылуна. Наоборот, говорили, что Ша Цзылун смалодушничал и не решился сразиться со стариком; а тот старик — о! — он может ударом кулака быка повалить! Ему проиграл не только Ван Победитель, но и сам Ша Цзылун не смог ему противостать!

Между тем Ван не раз навещал старого Суня, а Ша Цзылун молчал, будто это его не касалось. И постепенно «Ша Цзылун с волшебным копьем» всеми был забыт.

По ночам, когда все расходятся, Ша запирает двери, перебирает свои пики, опираясь на них, и задумчиво смотрит на звездное небо. Он вспоминает свое было величие... Он вздыхает, медленно гладит рукой свои копыя, их холодные гладкие древка и с усмешкой повторяет:

— Не научу! Никого не научу!

КОИТИ ТОХЕИ

Великий учитель айкидо Коити Тохеи продвигает удивительные вещи: при росте метр пятьдесят два и весе 67 кг он может настолько «отяжелеть», что четверо мужчин не оторвут его от земли. Он способен противостать толчку трех силачей, выстроенных в цепочку,

останавливая их одним мизинцем. Его вдох и выдох слышны на весь зал, в то же время он способен растянуть этот процесс на 3 минуты. Выполняя традиционные приемы айкидо, он не затрачивает ни малейшего усилия.

На одном занятии он попросил меня сжать ему запястья и не позволять свести руки. За несколько десятилетий, которые я занимался гимнастикой, штангой, каратэ, а также колот дрова, я прилично накачал силу. Тохеи поднатужился, но не смог сдвинуть руки. Он улыбнулся. «Очень сильный, — сказал он нараспев низким голосом. — Еще раз, пожалуйста».

На этот раз он не напрягся, раскрыл руки, как для объятия, разогнул пальцы и расслабился. Вдруг что-то произошло: я почувствовал, что сдерживаю, вернее, стараюсь сдерживать два мощных потока — не мышцы. Он мягко и уверенно согнул пальцы и с необыкновенной легкостью соединил руки. На лице — улыбка.

— «Это, — сказал он, — координация мысли и тела». Коити Тохеи утверждает, что в его способностях нет ничего особенного, ими может овладеть каждый, кто учится соединять духовное и физическое.

— Это... проявление высшей человеческой силы, высвобождающейся в момент расслаб-

ления. Направленность внимания, абсолютный покой сознания, уверенность и доброжелательность, — вот что характерно для этого состояния центрированности.

— Когда я собираюсь перебить очередную грудку кирпичей, я не настраиваюсь на «старание», не собираюсь с силами. Я расслабляюсь, и центр готовности перемещается ниже — в торец и в ноги. Я чувствую землю, дышу глубоко, мысленно направляю дыхание по торсу, ногам и рукам, представляю линию вектора силы, который проходит по ногам, потом вниз по рукам, на ладони, через бруски кирпичей. Я не фиксирую внимания на объекте.

Когда в нормальном состоянии я поднимаю предмет и разглядываю его, он кажется чрезвычайно тяжелым и твердым. Через две-три минуты предметы меняют свою реальность, сама реальность меняется: мне уже не тридцать два, и я не американский литератор, который стоит в кроссовках и проделывает странные дыхательные упражнения во дворике своего дома у кучи красных кирпичей.

По некоторым признакам я понимаю, что вхожу в «зону»: дыхание становится глубоким и резким, зрение меняется, и галька на дорожке разрастается до огромных размеров,

я вижу не маленькие камушки, а целые глыбы. Собственное тело кажется жестким, но в то же время легким и свободным.

Наконец я подхожу к кирпичам, и, если я вообще обращаю на них внимание, они мне кажутся легкими, воздушными и податливыми. Делаю глубокий вдох, задерживаю его на полсекунды, потом вдыхаю резко и ровно, и, фокусируя внимание на векторе силы, позволяю руке следовать по нему. Моя ладонь свободно проходит сквозь то, что раньше было кирпичом. Я не чувствую ни прикосновения, ни отдачи, ни боли.

Кто бы ни присутствовал при этом, он всегда аплодирует и поздравляет. Но поздравлять не с чем. Это даже глупо... Здесь все так просто. Только бы мысли и тело были едиными. Это состояние трудно объяснить, слова бессильны. Оно проходит, остаются воспоминания, эмоции. Иными словами, подлинная ценность боевого искусства Востока не имеет ничего общего с подвигами физического порядка. Обучение технике боя тоже не главное. Главное то, что это искусство избавляет от страха и помогает постичь, что мы способны на большее, что запасы энергии и мужества, возможности реакции и внимания намного превышают наши представления о них. Пре-

дела человека могут быть значительно раздвинуты. Стоит только сделать глубокий вдох...

БОЙ С БЫКОМ

В 1963 году после моего возвращения из поездки в США одна из японских кинокомпаний предложила организовать показательный бой безоружного человека с быком. Я давно мечтал о таком поединке. В случае успешного исхода я собирался повторить бой, но на этот раз уже с медведем, а затем с тигром, т. к. понимал, что демонстрируя сверхъестественную силу в поединке с такими могучими животными, смогу вызвать интерес к каратэ во всем мире. Я тренировался, изучал поведение быков, их особенности, сбросил вес до 82 кг, чтобы обрести большую живучесть.

В маленькой рыбацкой деревушке, где проводился бой, собрались корреспонденты всех японских газет и журналов. Несколько дней шел дождь и нам пришлось отложить состязание, которое журналисты назвали поединком века! Однажды, когда мне в очередной раз объявили о том, что бой переносится на другой день, один из репортеров

пошутил: «Ну, что Ояма, еще один денек в твоём распоряжении!» Но мне было не до шуток, я только получил телеграмму от своей дочери — младшей — «молюсь за тебя, папа». Я должен был победить.

На следующий день погода улучшилась. Зрители на пляже, где проходил бой, были настолько возбуждены, что для поддержания порядка дежурили 20 полицейских. Впустили быка, гиганта весом около полутонны, на голове которого красовались рога 10 см.

Бой снимали на киноплёнку. Режиссер поддал знак, и я направился к быку. Он жевал сено, но заметив меня, рассвирипел, вскинул рога и бросился вперед.

Я схватил его за рога обеими руками, вплотную приблизившись к нему. Чтобы не упасть, бык уперся копытами в землю и собрался боднуть меня в грудь. Обратите внимание, что он был в шесть раз тяжелее меня и чудовищно силен.

Я применил каратэ не сразу, так как знал об опасности, которую представляют эти свирепые животные, когда не удастся полностью подчинить их себе. Если уж решили применить каратэ, координация движений с самого начала должна быть идеальной, т. к. даже бычок выходит из повиновения в случае неудачной атаки.

Я собирался схватить быка за рога, швырнуть его на землю, а затем, когда он попытается встать, ребром ладони отрубить рог. Мой опыт говорил о том, что именно так и следует действовать. Однако бык не упал, а уставшие руки налились свинцом. Конечно, я не думал о времени, потом мне сказали, что первая часть боя длилась пять минут.

Внезапно сила быка, казалось, удвоилась и он бросился на меня. Руки соскользнули с рогов, и я споткнулся. Он опрокинул меня на землю. Я увидел, как на меня стремительно надвигалась огромная черная голова. Адская боль пронзила желудок, но мне удалось каким-то движением избежать неминуемой смерти. Бык боднул меня. Кровь ударила фонтаном. Небо, песок и солнце — все вокруг меня стало ослепительно ярким. Но в этот момент тело наполнилось сверхъестественной силой и я забыл о боли и усталости.

При ослепительном свете дня на меня стремительно неслось огромное черное тело, неся с собой смерть. Времени для размышлений не было. Я лишил его возможности нанести удар, ухватив его за рога, и, обвив ноги, попытался перевернуть. Он пошатнулся и я почувствовал, как его мягкое тело давит на меня. Судя по тяжелому дыханию и ушаченному биению

сердца, бык устал, так же, как и я. Выбросив вперед правую руку, я несколько раз ребром ладони ударил по рогу быка. Обычно с одного удара я могу таким образом сломать 30 черепиц, однако рог не поддавался. Разъяренный бык ревел от боли, я знал, другого случая не представится. С этого момента мне пришлось защищаться. 30 минут я оборонялся, а когда бык совершенно устал, обрушил на него всю свою силу. Ухватив его сбоку за голову и обвив ноги быка, я швырнул его на песок. Затем, охватив его голову руками, ударил ребром ладони по основанию рога. Рог треснул, я отломил его и показал **ликующей** публике. Я был первым, кому удалось голыми руками отломить рог у быка. Я собрал всю свою силу и победил в этой схватке.

Мне хотелось испытать пределы человеческой силы и возможности каратэ. Я не был уверен в победе и допускал, что бык может поднять меня на рога. Однако я твердо знал, что должен победить ради славы каратэ, ради моей младшей дочери.

Позднее я сразил еще одного быка на токийском стадионе «Денен», но на этот раз общество охраны животных запретило мне бить животное.

Всего я участвовал в схватках с быками

52 раза и побеждал. Три быка умерли сразу, рога сломал у 48 быков.

Чтобы потренироваться для схватки с медведем, я отправился на Хоккайдо в деревню, где жили айны, однако, финансовые затруднения лишали меня этой возможности. Мне так и не удалось бороться с тигром, я сейчас уже не так силен, как 10 лет назад...

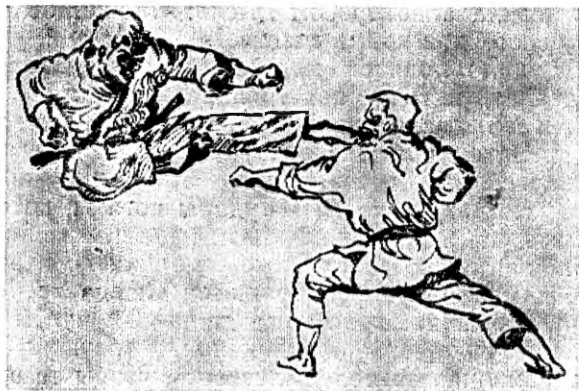
ЛЕГЕНДА О БРЮС ЛИ

Ли Брюс, тайванец по происхождению, магистр философии по образованию, ныне «Великий герой Востока», — медитировал в своем саду. Его белоснежный дом был живописно врезан в буйную зелень высокого холма, расположившись подальше от гонконгского порта с его шумом, грязью и сутолокой. Сегодня, как и обычно, в 5.30 Ли вышел на площадку, окруженную с трех сторон зарослями сада и заканчивающуюся крутым обрывом. Он опустился на колени и принял позу медитации, как это предписывала «тай-чи» — древнекитайская гимнастика тела и духа. Бедрa его покоились на пятках, руки ладонями вверх лежали на коленях, указательные и большие пальцы сомкнулись в виде колец, по которым должна циркулировать прана —

жизненная энергия тела. Глаза закрыты. Сознание Ли было чистым и ничем не затуманенным, как лежащее перед ним зеркало Южно-Китайского моря. По нему не пробежала рябь мысли. Только изредка на самой поверхности сознания, не касаясь его глубин, скользила альбатросом мысль: «Может быть, это состояние и есть счастье?»

Прошло полчаса, медитация закончилась. Началась пятичасовая тренировка. Растяжки, отжимания следовали непрерывным каскадом. Затем шли все эти умопотрясающие по совершенству «маэ», «ёко», «маваси», «уширо», «миказуки-кэри» — удары ногами, которые в его исполнении были канонизированы и вошли в многочисленные учебники по каратэ, кэмпо и кун-фу. Продюсер Сюэна требовал, чтобы в каждом его движении чувствовалась сила, завораживающая и зовущая к подражанию зрителей, легкость, чтобы те верили в возможность достижения той силы обычным человеком: гармония и многозначительность, чтобы эти движения воспринимались не как элементы драки, за которыми скрывается нечто большее, подобно тому как упражнения йогги являются лишь началом философии йогизма.

...Итак, Ли медитировал в своем саду после тренировки, чтобы скорее достигнуть нужного



состояния, глядя на море, он прочитал любимое стихотворение Конфуция:

Мудрый радуется воде.
Гуманный радуется горе.
Мудрый ценит движение.
Гуманный—покой.
Мудрый обретает радость.
Гуманный — долголетие.

Но что-то обеспокоило его, не давая возможности хорошо сосредоточиться. С нечистой совестью трудно спать, но еще труднее медитировать. А с собственной совестью у Ли было не все в порядке. Постоянно не оставляло чувство, что его используют не совсем в чистых целях. Все чаще приходилось ему драться с белокожими противниками. Некоторые из них к тому же носили явно славянские имена. Это пахивало политикой. Необходимо, очевидно, серьезно предупредить Сюэну, что в политических провокациях он участвовать не намерен, он действительно поговорил на повышенных тонах со своим босом.

Через два дня Ли Брюса убили.

Это произошло во время спарринга. Один из помощников Сюэна привел и представил Ли маленького, довольно пожилого человека сельского вида со сморщенным, как печеное яблоко, лицом. «Нашел тебе отличного спар-

ринг-партнера», — объявил он. «Старичок» — так мысленно окрестил его Ли — предложил свои услуги тренировки по методике тайландского бокса. Ли больше любил спарринги и соревнования по правилам каратэ. В целях рекламы мастера кун-фу всячески открещивались от других восточных видов единоборства, считая свою борьбу самой совершенной. На деле же на высшем уровне мастерства между каратэ и кун-фу, имевшим единые корни, по существу не было. Ли считал, что нет спорта гуманнее и прекраснее каратэ, движения его точны, как математика, и грациозны, как балет. Удары по противнику имитируются, останавливаясь в миллиметре от тела. Однако для поддержания формы и чувства приходилось использовать и контактные приемы, где удары наносятся руками, одетыми в специальные перчатки, и ногами, одетыми в специальные тапочки. Вероятность травмы существовала здесь, конечно, большая. Но Ли, с его фантастической тренированностью и реакцией, это не волновало. Ему, напротив, было любопытно размяться с новым соперником. Старые партнеры, завоженные его безусловным авторитетом, были в бою пресны и неизобретательны.

Ли и «Старичок» поклонились друг другу и бой начался. Таннственный пришелец, кото-

рый был главой какой-то школы, оказался не бог весть каким противником. Конечно же, мастер он был незаурядный и своеобразный, иначе бы он проиграл уже в первый миг, когда они встретились с ним взглядами. Реакция и хватка у него были вполне приличными — ему потребовалось совсем немного времени, чтобы разделать дюжину обыкновенных вооруженных людей. Некоторые элементы приемов партнера были неизвестны Ли, но с высоты своего гения он мог читать любого борца как открытую книгу и предугадывал всякое движение противника. Знаменитые жесткие и мягкие блоки Ли возникали в нужное время и в нужном месте. От его ударов защиты не было.

Когда тренировка уже заканчивалась и разочарованный Ли расслабился, «Старичок» странно покрутился, с неожиданной резкостью сделал выпад, и Ли почувствовал жесткий толчок в голову. Удар был не сильный, однако ноги Ли подкосились, во рту стало сухо и он впервые в жизни опустился на колени.

Если бы кто-то в этот миг стоял рядом с Сюеной, который присутствовал, как обычно, на тренировке любимца, он услышал бы из его уст фразу: «упала наземь, но неизбежно

зацветет большая хризантема». Спустя несколько часов Ли не стало. Лучшие врачи не могли определить истинную причину его гибели. Травм на теле и внутренних кровоизлияний не было. Возможно, раскрыть тайну смог бы опытный специалист по иглоукалыванию, но пригласить его не догадались или не захотели. Официальная версия указывала на наркотики как на одну из более вероятных причин.

...Похороны Ли стали выдающимся событием в Юго-Восточной Азии. По роскоши и многолюдности они затмили проводы в последний путь знаменитой американской певицы и актрисы Джуди, побив тем самым своеобразный мировой рекорд. Сотни тысяч людей отдавали дань почести герою. Стены домов по ходу движения процессии украшали его двадцатиметровые портреты. На могилу Ли со слабоушительной надписью «Мертвые остаются молодыми» были возложены венки от самых знаменитых киноактеров, спортсменов, политдеятелей и гангстеров. Среди них — роскошный лавровый венок и от дальнего советника президента. На нем была пространная надпись, витиеватость и псевдозначительность политики: «Живя в местности сладких ручьев, ты был горьким источником, в тебе не было приторности, которая так быстро при-

едается и набивает оскомину. В тебе была горечь тоника и терпкость красного вина, из которого люди черпают бодрость, уверенность, энергию».

Ночью, после похорон, у Сюены состоялся разговор со знакомым ему усталым голосом: «Все сработано правильно, — глухо бубнил голос. — Герой сделал свое дело... Мертвые сговорчивее живых. Их именем можно отстаивать любые идеи. Так что теперь герой в 1000 раз более ценней, чем раньше. Его авторитет и популярность будут служить нашему делу вернее и эффективнее, чем десятки живых приверженцев на самых высоких местах. Мы сделаем из него великий миф. Мифы правят миром. Такова политика».

Что касается самой смерти Ли Брюса, то, например, последователи китайского ТАИ-ЧИ считают, что можно овладеть техникой нанесения ударов в определенные части тела, причем эти удары сначала кажутся совсем почти безвредными, и только спустя месяца или годы жертва умирает. Такой удар называется «смертельным касанием». Они связывают объяснения этих ударов с китайским иглоукалыванием. Оно учит, что по всему телу человека проходят каналы энергии. Они невидимы и только опытный человек может их

прошупать. Знатоки Тай-чи ударом воздействуют на поток энергии, идущей по «каналам» тела, т. к. потоки энергии следуют циклами, иногда весьма долгими, то может пройти много месяцев, прежде чем произойдет воздействие на энергию в месте нанесения удара.

МАСТЕР ДУН

Традиция связывает развитие современной школы «Восьми триграмм» с именем Дун Хай-цюаня (1798—1879), уроженца провинции Хэбэй. В молодости Дун прозябал в нищете, и однажды его, умирающего от голода, подобрал на улице странствующий даос. Он увел Дуна в горы и там много лет обучал загадочному искусству кулачного боя. После смерти учителя Дун переселился в Пекин. Жил он скромно, не афишируя своих познаний. Тем не менее слухи о неведомой школе ушу вскоре распространились в столице. Испытать силу Дуна явился грозный чемпион школы Син-и Го Юньшэнь. Два дня с утра до вечера длилась схватка. На третий день Го был повержен. Неожиданным результатом поединка стало братание двух мастеров, которые поклялись в дальнейшем обмениваться секретами своих школ. До наших дней обе «мягкие»

школы взаимно дополняют друг друга, в результате чего возникло немало синкретических стилей.

В зрелом возрасте Дун одно время обучал кулачному бою императорских гвардейцев, но, подвергнувшись опале, вынужден был покинуть дворцовые круги. Позже он нанялся слугой в дом родовитого князя. Однажды гости князя пили чай в павильоне. Внезапно кто-то заметил, что слуга с подносом, направляясь на кухню, не обходит павильон, а взбегает по стене и следует напрямик через крышу. Пораженный князь понял, что перед ним великий мастер. Познакомившись с формальными упражнениями школы Ба-гуа, он решил сделать Дуна своим телохранителем. Прежний телохранитель князя был глубоко оскорблен и вызвал Дуна на поединок, но потерпел поражение. Возможно, этим неудачником был мусульманин Ша, личность одиозная и вошедшая в историю благодаря небольшой новелле знаменитого писателя Пу Сун-лина «Искусство «Железной рубахи»:

«Мусульманин Ша изучал искусство силача «Железная рубаха». Сложит пальцы, хватит — и прорубает быку голову. А то воткнет в быка палец и прорубает ему брюхо. Как то раз во дворе знатного дома Чоу Пэн-саня подвесили бревно и послали двух дюжих слуг

откачнуть его изо всех сил назад, а потом сразу отпустить. Ша обнажил живот и принял на себя удар. Раздалось «хряп» — и бревно отскочило далеко.

А то еще, бывало, вытащит свою, так сказать, мужскую силу и положит на камень. Затем возьмет деревянный пест и изо всех сил колотит. Ни малейшего вреда! Ножа, однако, боится».

Легенда гласит, что Дун обладает уникальным даром «врастания» в землю, то есть умел направлять жизненную энергию «вниз». Когда он умер, ученики, попрощавшись с телом учителя, накрыли гроб крышкой и собрались нести на кладбище. Тут возникло неожиданное осложнение: гроб невозможно было оторвать от земли. Ученики тщетно пытались приподнять его — гроб словно приклеился. И тут из-под крышки донесся слабый голос: «Несчастные! Сколько раз я говорил, что никто из вас не достиг и десятой доли моего искусства!» Голос замолк, старый Дун испустил дух, и ученики легко подняли гроб с бездыханным телом.

У Дуна было 72 ученика, из которых впоследствии прославились четверо: Инь Фу, Чэн Тинхуа, Ма Вэйчи и Ши Лю. О каждом сохранилось немало рассказов. Надолго запе-

чатлелась в памяти народа героическая смерть Чэн Тинхуа по прозвищу «Непобедимый кобра». Чэн жил в Пекине и занимался продажей оптических изделий в мелкой лавчонке. Одновременно содержал школу Ба-гуа и был хорошо известен столичным жителям. В дни подавления Боксерского восстания (1899—1901), когда озверевшие интервенты грабили и насильовали на улицах города, Чэн, не принимавший до того участия в боях, потерял терпение. С двумя ножами в руках он бросился на взвод немецких солдат и убил около 10 человек, прежде чем его застрелили.

КАРАТЭ ПРОТИВ КУН-ФУ

Йенг Чанг не носил оружия. Зачем оно ему? Рикардо впился взглядом в маленькие, тусклые, невыразительные глазки китайца, стараясь высмотреть в них то, о чем ему неустанно напоминал его тренер по каратэ, — направление первого удара. Однако в холодном взгляде вошедшего ничего не отражалось, ничего не говорила Рикардо и его позиция. Безусловно, китаец изготовился к бою. Но это не кибя-дачи, — железный всадник

не дзэнкуцу — лук и стрела. Нет-нет, это не каратэ.

Китаец слегка выставил вперед левую ногу, и его руки медленно, словно две клещи, поднялись на уровень груди. И тогда Рикардо увидел его обнаженные по локоты руки; на одной была вытатуирована фигура тигра, на другой — изображение дракона. Молнией в мозгу вспыхнуло — это кун-фу! Страшное искусство борьбы, которым так хорошо владеют китайцы. Искусство борьбы, возникшее тысячу четыреста лет назад, когда, по преданию, Бодхидхарма появился в Китае в храме Шаолиня. Кун-фу, чьи тайны едва знают на Западе, а технику на протяжении веков передают из поколения в поколение в тайных школах. Кун-фу! Посвященные в нее, словно знаки отличия, несли на запястьях выжженные огнем изображения тигра и дракона. Вот уже ни один год специалисты по борьбе задавались вопросом, на который, как знал Рикардо, до сих пор не было ответа: каратэ или кун-фу? Его учитель сказал, что победит каратэ. Мастера кун-фу думали по-другому.

Сейчас здесь, в этом мотеле Майами, Рикардо, наконец, узнает ответ.

...Этот бесшумный удар должен был стать смертельным. Чанг подпрыгнул вверх и в

прыжке выбросил ногу, метаясь прямо в челюсть. На какую-то долю секунды он запоздал. Рикардо резко откинулся влево и ответил ударом ноги, но не попал. Чанг поднял руки над головой и замер, словно высеченная из камня статуя. В двух метрах от него изготовился Рикардо, в поисках равновесия слегка выставив вперед правую ногу. Глаза китайца едва заметно прищурились и Рикардо смог прочесть их взгляд. Не дожидаясь нападения, он глухо, гортанно вскрикнул и, с силой толкнув тело вперед, нанес китайцу удар в плечо. Тот содрогнулся, но выдержал и отскочил назад. Рикардо снова бросился на него, но ступня китайца ударом в плечо отбросила его к стене. Теперь уже Чанг искал возможность для завершающего удара. Он быстро проскользнул к Рикардо, и его скрюченные, словно когти, пальцы попытались вцепиться противнику в лицо. Однако он натолкнулся на стену, на пол посыпались куски штукатурки. Рикардо уклонился вправо и теперь в прыжке старался правой ногой ударить в лицо китайца. Реакция Чанго была быстрой, круговым движением руки он отбросил ногу Рикардо в сторону, и тому пришлось приложить все усилия, чтобы не упасть. Они снова примеривались, стали друг против друга. Рикардо весь покрылся потом, кулаки его

побелели: лицо китайца смертельно побледнело. Оба почувствовали боль. У Рикардо сводило руку. Чанг ощущал острую боль в плече: похоже, удар Рикардо перебил ему ключицу. Рикардо сделал шаг вперед, китаец отступил. Теперь уже руки Рикардо угрожающе поднялись вверх, однако он предлагал поразить китайца ударом ноги в пах. Он бросился вперед, но носок его ботинка едва оцарапал левое колено китайца. Удар все же был достаточно силен, и Чанг вновь ощутил резкую боль, как от удара кнутом. Он быстро повернулся спиной и лягнул Рикардо, но не попал. Сколько времени это длилось — три или четыре минуты? Рикардо сделал глубокий вдох и снова бросился на противника. Но кулак китайца остановил его сокрушительным ударом в живот.

...Рикардо вдруг показалось, что он медленно погружается в воду. В его глазах стал туман, в глазах словно забегали муравьи. Чанг попал в печень и сейчас он медленно падал навзничь. Все это продлилось ровно одну секунду. Его тело глухо стукнулось о стену. Китаец двинулся вперед, чтобы последним сокрушительным ударом добить его. Он поднял руки и изготовился костяшками пальцев раздробить висок Рикардо. Крепко сжатый кулак начал свое смертоносное движение. Он



поступил почти безотчетно, защитный инстинкт подсказал ему этот жест. Рикардо поднял правую руку, парировал кулак Чанга, а левой обрушил сокрушительный удар прямо в солнечное сплетение. Чанг даже не вскрикнул. Он откинулся назад, открывая и закрывая рот, словно в поисках воздуха, и понес руки к груди. Удар, вероятно, разорвал ему сердце, ибо он умер раньше, чем упал. Его тело, словно вытасненная на берег медуза, дрогнуло один, другой раз, но это были уже посмертные сокращения мышц. Наконец оно замерло. Медленно цепляясь за стену, Рикардо скользнул на пол, попытался встать, но потерял сознание.

...Что-то безнадежно и навсегда оборвалось внутри. Он провел рукой по губам: ладонь запачкалась кровью. Он закашлялся, тело свела судорога боли. Ему предстоит умереть. С трудом он поднял руку и взглянул на часы: какие-то прозрачные мятущиеся тени вставали между зрачками и циферблатом; он поднес его к самому лицу, смутно различил числа и стрелки. Он вытер рукавом губы, сверхчеловеческим усилием приподнялся на локте. Наконец, опершись обеими руками о пол, тяжело поднялся и упал на кровать. Пальцы нащупали кнопку и включил рацию. Почти теряя сознание, нашел волну — 43м. Рядом

замигала красная лампочка, означающая, что аппарат готов к передаче. Рядом на столе лежало зашифрованное сообщение. Сейчас ему предстоит умереть. По щекам, мешаясь с кровью, текли слезы. Нет, это не страх. Глухой гнев, чувство горькой тоски от того, что умирать приходится так далеко от родни. И он медленно принялся превращать цифры в электрические импульсы. Туда, им, над волнами теплого, голубого Карибского моря посылал он свою жизнь.

КОРОЛЬ ЧИНГ-О

Хой Шуйинг известен во всем мире. Он лучше всех овладел школой сильного чингонго — старинного китайского оздоровительного и врачебного метода. О способностях мастера ходят легенды. Как ему удается вершить чудеса?

Он появляется на сцене в традиционной китайской одежде, спокоен, отчужден от публики, погружен в себя. На подставке лежит камень размером примерно 10 на 5 см. Невуловимый удар — в сторону летят осколки. Хой наклоняется и разбивает головой кирпичную стенку толщиной 10 см. Голова сильнее руки, нога сильнее головы. Два служа-

щих приносят ему каменную плиту толщиной 15 см. Удар ноги — и она разлетается на куски.

Далее — коронный номер. Хой зажимает копьё в специальное устройство так, чтобы конец с острием упирался в шею. Затем начинает давить горлом на него. Когда копьё изгибается более чем на 90°, оно ломается с громким треском. Некоторые зрители выбегают на сцену, но не видят на шее никакой раны, кроме небольшого темно-красного пятна. Хой может ударом ребра ладони даже отрубить от железного стержня толщиной 4 см кусок за куском.

Родился Хой в провинции Хэпбей. Его отец занимался народной медициной. Семилетний мальчик стал учеником старого монаха-буддиста в храме на горе Дачингдинг. На протяжении 8 лет надо было каждый день по 300 раз делать упражнения, тренировать руки, ноги, шею, голову, ломать кирпичи и ветки. Чтобы приучить Хоя выдерживать тяжести, на него наваливали каменные глыбы.

Жена Хоя — Сун Сулан — раньше была актрисой одной из пекинских оперных трупп. После свадьбы она стала прилежной ученицей своего мужа. Вот она лежит на боку на сцене. Вместо подушки — бетонная плита, на

голове — две пластины из камня. Рядом стоит муж с кувалдой.

Сейчас он разобьет вдребезги каменные плиты на голове супруги.

У Хоя и Сун одна дочь и три сына. Дочка Чиньшью лежа выдерживает каменную глыбу весом полторы тонны. Шестнадцатилетняя девушка может стоять на двух куриных яйцах, держа в обеих руках по десятикилограммовому ведру с водой. Пятнадцатилетний сын Чын удерживает в руке раскаленный железный прут, и на ладони не остается никаких следов ожога. Мальчика не в состоянии сдвинуть с места даже четыре человека.

Что это — фокус или умение? Хой Шуйинг отвечает — прежде всего каждодневный труд.

Еще в эпоху Весны и Осени и Сражающихся Царств (770—221 гг. до н. э.) в Китае умели выполнять упражнение «рубить мечом голую грудь». У того, кого пытались рассечь мечом, на теле не оставалось никакой царапины. В сочинениях, относящихся к эпохе династии Тан (618—907 гг.), фрагменты о сильном чигонг-о мелькают довольно часто.

Китайские ученые выяснили, что частота дыхания и сердцебиения у «чигонгоистов» в спокойном состоянии существенно снижена. Так, Хой во время выполнения некоторых упражнений делает только 5 вдохов в час.

Кроме того, исследования показали, что если сконцентрировать напряженность мускулов в одном направлении, можно развить усилие в 25 т. Когда 5—6 силачей с размаху ударят в живот Хоя бревном диаметром в полметра, он не только выдерживает удар, но остается неподвижным, словно врытая глубоко в землю железная колонна.

Очевидно, в сильном чигонг-го неясного гораздо больше, чем ясного (то — «белое пятно» на карте науки, изучение которого только началось).

УЧИТЕЛЬ И ШЕСТЬ УЧЕНИКОВ

— Живы ли здесь, в Гонконге, настоящие мастера кун-фу? Да живы, но их осталось единицы, тех, кто не продался за доллары. Один из них, Кван Такхинг (ему 77 лет), живет в трущобах. У него всего шесть учеников. Последнего он взял в 1972 году после пятилетнего испытательного срока. Старый мастер упрямо повторяет: «Я лучше возьму свое искусство в могилу, чем доверю его какому-нибудь невоздержанному драчуну...»

ДАО — ПУТЬ

Гуань Инь-цзы сказал: «Без Дао-пути нельзя было бы говорить, но о чем нельзя сказать, и есть Дао-Путь; без Дао-Пути нельзя было бы мыслить, но то, о чем нельзя помыслить, и есть Дао-Путь. Небо и все сущее под ним кружится в бурлящем водовороте, люди и дела их переплетены и смешаны; все находится в непрестанном коловращении и взаимопроникновении — кажется, вот оно, но вот уже и исчезло. Говорить о нем — дуть на отражение, думать о нем — резать пылинки. То, что нельзя содеять и разделить, называют Небом, судьбой, духом, изначальным, все же вместе — ДАО-ПУТЕМ.

СИЛАЧ ГУНЬИ БО

Гуньи Бо прославился среди князей своей силой. Танци Гун поведал о том чжоускому Сюань-вану, и царь, приготовив дары, пригласил удалыца к себе. Когда тот явился, Сюань-ван оглядел его: немощный, тщедушный... И царь, усомнившись в душе, недоверчиво спросил:

— Какова же твоя сила?

— Силы моей, — отвечал Гуньи Бо, — довольно, чтоб переломить ножку весеннему кузнечнику или оторвать крылышко осенней цикаде.

И тогда царь сказал, побагровев от гнева:

— У моих силачей хватит силы, чтоб разодрать шкуру носорога и утащить за хвост девятерых быков — и все же я в досаде на их слабость... Когда же это ты, способный лишь переломить ножку кузнечнику да оторвать крылышко цикаде, ухитрился прославиться силой на всю поднебесную?!

Гуньи Бо, глубоко вздохнув, поднялся с циновки и сказал:

— Как хорошо вы спросили, государь! Осмелюсь вам ответить по всей правде. Наставником моим был некий Шан Цю-дзы. Во всей Поднебесной не было равного ему в силе, а ближайшие его родичи об этом и не подозревали. А все оттого, что он никогда не пускал свою силу в ход. Мне довелось однажды услужить ему, рискуя жизнью, и он мне поведал:

— Все стремятся увидеть невиданное — а ты гляди на то, на что никто не смотрит. Все стремятся овладеть недоступным — а ты займись тем, чем все пренебрегают... Поэтому-то те, что учатся видеть, начинают с того,

что смотрят на воз с дровами. А те, что учатся слышать, начинают с колокольного звона. Ведь если кому легко внутри — нет для того и внешних трудностей. Если же нет внешних трудностей — тогда и слава не выйдет за пределы семьи.

Ныне же слава обо мне разошлась среди князей: стало быть, обнаружив свои способности, нарушил завет учителя. И все же слава моя — не в похвальбе своей силой, а лишь в том, что способен ее проявить. Разве это не лучше, чем бахвалиться силой?

МАСТЕР И НЕРАДИВЫЙ УЧЕНИК

Молодой ученик каратэ, который был очень силен в каратэ, решил, что он лучше любого мастера и собрался показать это. Он решил посетить соседнюю провинцию, где преподавал старый мастер. Молодой человек знал, что спровоцировать мастера на бой почти невозможно и он разработал план, чтобы мастер принял бой. Мастер жил на вершине холма с женой и детьми. Сезон кончился, и мастер с семьей работал в саду, собирая бобы. Ученик принес ведро с навозом и специально высыпал его на бобы, решив тем самым вызвать мастера на бой. Но тот лишь

улыбнулся. Ученик в ярости сломал толстую палку. Мастер вынес толстую бамбуковую палку, чтобы ученик сломал ее. Но ученик не смог этого сделать. Тогда мастер одним ударом сломал ее. После чего сказал: «Иди к своему учителю и скажи ему, чтобы он не тренировал твой разум также, как твое тело...»

СТАРИК И ТИГР

Несчастье обрушилось внезапно. Огромный тигр-людоед спустился с гор и начал нападать на беззащитных жителей уединенной деревушки. Крестьяне обратились за помощью к двум отважным молодым охотникам, живущим неподалеку. На рассвете смельчаки направились на то место, где в последний раз видели тигра и, привязав к дереву для приманки маленького ягненка, устроили засаду. Время тянулось медленно, а тигр не появлялся. Неожиданно на поляну вышел старик с развевающейся седой бородой. Увидев его, охотники рассказали ему про тигра и посоветовали спрятаться. Незнакомец улыбнулся и сказал, что он уже убил тигра и тот лежит неподалеку. Охотники решили, что старик, видимо, не в своем уме: мог ли он один справиться со страшным зверем. Заметив их

явное недоверие, путник повернулся и спокойно пошел своей дорогой.

Охотники направились в том направлении, которое указал им старик, и вскоре увидели лежащего на земле тигра. Они внимательно осмотрели его, рассчитывая найти раны, нанесенные каким-либо оружием, но ничего не заметили. Наконец охотники обнаружили, что у него сломан хребет. Какой же силой и ловкостью должен обладать человек, чтобы в одиночку и без оружия справиться с хищником! Вернувшись в деревню, охотники рассказали крестьянам о случившемся. И тогда кто-то вспомнил, что уже видел этого старика и что это великий мастер каратэ из соседней деревни.

ЯПОНЕЦ И ПЬЯНЫЕ МАТРОСЫ

Темной, грязной портовой улицей шел маленький японец. Он старался держаться как можно ближе к стенам домов и с готовностью уступал дорогу пьяным, здоровенным матросам. Однако, несмотря на его старания, один из матросов, проходя с друзьями, толкнул его. Японец ударился о стену дома. Быстрым движением он почистил рукав и кинулся вдогонку за обидчиком. «Извините, сэр, — веж-

ливо обратился маленький японец к матросу, — вы зацепили меня и чуть не сбили с ног». «Ну так что же ты хочешь?» — спросил здоровила, не останавливаясь. «Я хочу, чтобы вы извинились». Но матрос расмеялся и пошел дальше. Японец снова догнал его, и тут матрос не выдержал. Он замахнулся и... пролетев несколько метров, упал на мостовую. Его товарищи в первое мгновение остолбенели, но потом кинулись на японца. Некоторое время слышались глухие удары, выкрики, и вот на мостовой осталось несколько неподвижных тел, а японец, поправивший галстук, пошел дальше.

БУДДА И ОБЕЗУМЕВШИЙ СЛОН

Однажды злокозненный Девадатта, желая погубить Будду, выпустил на него обезумевшего слона. Когда слон был совсем рядом, Будда поднял правую руку, обратив ее ладонью к нападающему животному. Из его пальцев изошло пять разноцветных лучей — и слон моментально успокоился, покорно последовав за укротителем.

ПРИСТЫЖЕННЫЙ СУЭКИ

Суэки, изучавший каратэ школы Серей, жил в сельской местности неподалеку от города Ёсю. Однажды в их деревню забрел странствующий мастер школы Сёрин и в поединке легко одолел Суэки. Тот, как было принято в таких случаях, пал в ноги мастеру и попросился к нему в ученики. Мастер согласился остаться в доме Суэки и занимался с ним каждый день в течение нескольких месяцев. Изрядно поднаторев в КАТА Сёриню, Суэки решил, что достиг искомого уровня компетентности и предложил мастеру поединок, но снова позорно проиграл. Пристыженный, он простился с мастером, который вновь отправился путешествовать, а сам с удвоенной энергией продолжал тренироваться. Когда на деревню напала шайка разбойников, Суэки обратил их в бегство, убив несколько человек голыми руками. Слухи о его подвиге разнеслись по округе, и немало желающих испытать свою силу явилось к дому Суэки, но ни один не ушел победителем.

Спустя некоторое время Суэки, уверовав в свои возможности, захотел во что бы то ни ста-

ло найти своего учителя и снова сразиться с ним. Как-то раз, попав в Ёсю, он увидел толпу на площади. Оказалось, что там неизвестная юная монахиня демонстрирует КАТА ҚАРАТЭ. Зеваки, узнав мастера Суэки, стали предлагать ему сразиться с девушкой, но тот колебался, раздумывая, стоит ли унижать себя схваткой с существом слабого пола. Кончилось тем, что девушка сама предложила ему поединок и за несколько минут довела до полного изнеможения своими стремительными, хлесткими ударами, неожиданными нырками, упругими блоками. «Сдаюсь!» — вымолвил Суэки, едва держась на ногах. «У кого ты учился?» — спросила девушка. «Сначала у наставников стиля Сёрей, а затем у Миура, мастера Сёрин-рю», честно признался Суэки. «Так знай же, что Миура мой старший брат, — сказала монахиня. — Я увидела в твоих движениях что-то знакомое и только потому не стала тебя добивать. Как видно, ты недолго занимался у моего брата».

Пристыженный Суэки вернулся в родную деревню. С тех пор он всю жизнь посвятил КАРАТЭ и добился великих успехов, но никогда больше не искал встреч с другими мастерами, осознав, что горизонты каратэ безграничны и всегда на сильного найдется

сильнейший. Смысл истинного каратэ открылся для него в непрестанном самосовершенствовании.

«БЕСТОЛКОВЫЙ» УЧЕНИК

У Мацумура было множество учеников и среди них один на редкость бестолковый. Как ни старались учитель и старшие товарищи объяснить ему комбинации приемов, способы маневрирования, нападения и защиты, — все было напрасно. Дурачок только и знал, что колотил с утра до вечера по соломенной макиваре, а больше ничего и слушать не хотел. После смерти Мацумура лучшие его ученики разъехались кто куда и открыли свои школы. Всего несколько человек осталось в Сюри. И вот однажды князь Симадзу пригласил их в замок и объявил, что желает посмотреть поединок представителя славной школы Мацумура со знаменитым каратистом Осима Хитоси, до той поры не знавшим поражений. Ученики Мацумура пригорюнились и стали чесать в затылках. Им было хорошо известно, что по правилам поединков ничто не гарантировало побежденному жизни, а тем более — безопасности. И тут вперед выступил всеми давно забытый бестолковый любитель

макивары. Ему разрешили встретиться с Осима. Все ожидали легкого блиц-крига и подтрунивали над незадачливым увальнем. Действительно схватка закончилась, едва успев начаться. Когда жестоко избитого чемпиона подняли с пола, он бормотал себе под нос: «Ну что тут будешь делать! Двинешь его кулаком, он будто обрубаёт руку, пнешь его ногой — он будто обламывает ногу!..» А бестолковый ученик Мацумура разъяснил озадаченным судьям: «Я из наставлений Учителя хорошо усвоил только одно: бьют тебя рукой — перебей эту руку. Бьют тебя ногой — перебей эту ногу. Вот я и бил, как по макиваре...»

Жена Жацумура по имени Енаминэ Тиру также происходила из семейства мастеров Тэ. Однажды вечером на пустынной дороге к ней пристали трое подвыпивших бродяг. После недолгой схватки Тиру связала потерявших сознание ловеласов своим длинным кушаком и спокойно отправилась домой. К ночи вернулся Мацумура.

— Кажется, ты забыла на дороге пояс? — сказал он.

— Да, милый, спасибо, что принес, — отвечала Тиру.

ПРОСВЕТЛЕНИЕ УЧИТЕЛЯ

«Однажды, прогуливаясь во дворе, я вдруг испытал странное ощущение, словно подо мной задрожала земля. Какой-то золотистый туман начал подниматься от земли, обволакивая меня. В ту же секунду я разумом и телом ощутил свет, и мне показалось, что я понимаю язык щебечущих вокруг птиц. Внезапно я ощутил близь себя присутствие великого Творца в духовном обличе. Мысль озарила меня: «Основой всех воинских искусств должна быть любовь ко всему существу на земле». С того мгновения и на всю жизнь я понял, что весь мир отныне — мой дом, что мне принадлежит Солнце и звезды. Высокое положение в обществе, слава, почести, богатство — все это навсегда утратило для меня значение.

Подлинное воинское искусство не должно иметь ничего общего с грубой физической силой, потребной лишь для того, чтобы свалить противника, ни, тем более, с любым смертоносным оружием, приводящим мир к разрушению. Подлинное воинское искусство призвано, избегая жестокой борьбы, регулировать всеобщее КИ, сохраняя мир, позволяя



расти и развиваться всему в природе. Таким образом, упражнения в любом виде воинских искусств не должны быть самоцелью для уничтожения противника, но, наоборот, должны вырабатывать в нас чувство любви и уважения к окружающим».

ПРОСЧЕТ УБИЙЦЫ

Как-то раз Хадзика Дзюбэй, лазутчик на службе у князя Такэда Сингэна, решил избавиться от своего заклятого врага Сандайфу Момоти. Пробравшись в дом к Сандайфу и удостоверившись, что тот крепко спит, кровожадный Хадзика выпустил из мешка несколько десятков разъяренных голодных ласок. Но тут «проснувшийся» Сандайфу, который явно уже был оповещен о готовящемся покушении, швырнул в своего противника пригоршню крысиного помета. Ласки, бросившись на запах крыс, до смерти загрызли не в меру изобретательного убийцу.

КАРЛИК ДЗИННАИ

Вся разведывательная служба Уэсуги была сосредоточена в руках Кусуми Дандзе — с ним и пришлось столкнуться четырем тай-

ным убийцам, подосланным Ода. Злоумышленникам удалось подстеречь в темном коридоре Касуми и трех его спутников, несших стражу. Укифунэ Кэмпати, мастер ФУКИБАРИ-ДЗЮЦУ, всадил в них заряд отравленных игл из своей трубки — все четверо были убиты наповал. С тем же оружием Укафунэ направился в спальню князя и уже поднес было трубку к губам, когда чьи-то мощные руки обхватили его и точно рассчитанным рывком свернули голову... Как выяснилось, Касуми лишь притворился убитым, сумев увернуться от смертоносных игл. Но напрасно успокоенный Кэнсин тешил себя мыслью, что отделался от злейшего врага. Напрасно предусмотрительный Касуми расставлял в темных переходах замка ловушки. В ту же ночь родственник незадачливого метателя отравленных игл, Укифунэ, Дзиннай, который был карликом, ростом чуть более трех СЯКУ (около одного метра), но вполне развитым физически, проник во вражескую крепость и устроился в засаде. Он в течение многих лет готовился к исполнению разного рода деликатных миссий, сидя подолгу в котле с жидкой глиной. Пробравшись в замок, Дзиннай уютно устроился в княжеской уборной (выгребной яме) с копьём и дыхательной трубкой. Когда поутру князь явился для

удовлетворения естественных потребностей и присел на корточки над круглым отверстием в полу, Дзиннай, вынырнув из своего укрытия, пронзил владетельного ДАЙМЕ копьём до самого горла. Сбежавшаяся на шум стража никого не обнаружила, ибо Дзиннай, сделав свое дело, погрузился на дно. Спустя некоторое время, выбравшись из замка и хорошенько отмывшись, он уже описывал свои приключения довольному Ода Нобунага.

ХИТРОУМНЫЙ НИНДЗЯ

Замок Сува высился на холме и был окружен глубоким рвом. Над массивными крепостными стенами господствовала одна-единственная сторожевая башня, с которой открывался обзор всех укреплений и внутреннего двора. Ночью стены освещались, и приблизиться к ним было невозможно. Тогда хитроумный Ниндзя Като Тандзо из клана Кога разработал план захвата самой сторожевой башни. Ночью он с помощью «кошек» вскарабкался по отвесной стене под платформу башни, нависшую надо рвом, — единственное место, выпадавшее из поля зрения часовых. Зацепившись одной рукой за балку, другой рукой Като вытащил бурав и просверлил в

деревянном полу платформы две дырки. В них были бесшумно вставлены болты с раскрывающейся шляпкой, а к болтам прицеплены веревки. Ожидавшие внизу ассистенты по сигналу Като поднялись наверх и устроились на «качелях» прямо под ногами у часовых. Далее все было делом нескольких минут. Определив по шагам направление движения часовых, НИНДЗЯ одним махом преодолел парапет башни и беззвучно прикончил стражу. Замок был в их распоряжении. Поджоги казарм и порохового склада решили исход мероприятия.

«ХАРАКИРИ» НИНДЗЯ

Токугавские власти приказали опытному НИНДЗЯ по имени Тонбэ выследить и убить своего собрата по ремеслу — Казэй Дзюдзо, нанявшегося в услужение к князьям-заговорщикам. Оpozнав в предполагаемой жертве старого друга и однокашника, Тонбэ пренебрег профессиональной честью и не стал его убивать. Посоветовавшись, они разработали план, который должен был удовлетворить обе враждующие стороны. Тонбэ отвел Дзюдзо в резиденцию СЕНГУНА и доложил, что про-

тивник взят живьем. СЕГУН немедленно повелел казнить негодяя, но Дзюдзо испросил дозволения покончить собой. СЕГУН и его свита, заинтригованные предстоящим зрелищем, удобно расположились в зале, и несчастному Дзюдзо был выдан короткий тупой нож. Поскольку НИНДЗЯ мог не соблюдать во всех тонкостях ритуал ХАРАКИРИ, Дзюдзо не стал разоблачаться и ограничился тем, что вонзил нож в живот по самую рукоять. Одежда густо пропиталась кровью, умирающий дернувшись несколько раз, растянулся на полу. Труп был выброшен в замковый ров, а СЕГУН с приближенными устроил банкет по случаю благополучного завершения операции. В ту же ночь замок был подожжен с разных сторон. Коварный Дзюдзо вместо ХАРАКИРИ вспорол брюхо задушенной крысы, предварительно заткнутой за пояс. Отсидев до темноты во рву, он воспользовался рассеянностью часовых, пробрался в замок, который успел изучить днем, поджог его и безнаказанно скрылся.

АЛЧНЫЙ РАЗБОЙНИК

Однажды в горной деревушке Кминдзуми увидел толпу вокруг запертой хижины. Кре-

стьяне объяснили, что разбойник забаррикадировался в доме, взяв заложником маленького мальчика. Разбойник требовал свободного прохода и выкупа, угрожая в противном случае убить ребенка. Каминдзуми попросил у проходящего мимо дзэнского монаха его рясю, побрил голову и с двумя пакетами риса в руках подошел к хижине. Он бросил в окно первый пакет, сказав, что родители ребенка прислали ему пропитание и что второй пакет, большего размера, он не может бросить в окно. Когда алчный разбойник приоткрыл дверь и протянул руку, мастер в мгновение ока схватил его за руку, вытащил наружу и скрутил. Дзэнский монах, наблюдавший всю сцену, склонился перед ним и вручил отважному самураю КАРА — священный талисман, означавший принадлежность к секте Дзэн.

БОЧКА С ГОРЯЧЕЙ ВОДОЙ

Как-то раз, когда Хакуин, слабый и болезненный подросток, принимал ванну, сидя в бочке с водой, служанка подбросила слишком много дров и вода стала нестерпимо горяча. Представив себе мучения грешников в аду, мальчик с воплем выскочил из бочки. С той поры он утвердился в намерении стать буд-

дийским монахом и дал обет: «Пока я не достигну такого могущества, что ни огонь, ни вода не будут страшны моему телу, я не оставлю стараний, пусть даже это будет стоить мне жизни».

Прошло много лет, и Хакуин достиг почти всего, о чем мечтал в детстве. Вот что писал он в старости другу: «Сейчас мне семьдесят, но я ощущаю в себе в десять раз больше сил по сравнению с тем, что было в возрасте тридцати или сорока лет. Я крепок телом и духом: могу подолгу не спать. Мне случается проводить по два, три дня, а то и по семь дней без сна, но на работе ума это никак не отражается... Если заботиться о здоровье тела и предаваться дзэнскому самосозерцанию, будешь часто обретать прозрение, не стремясь к тому сознательно. Не следует проводить различия между активными и пассивными, медитативными Дзэн... Человек, увлекающийся лишь дзэнской медитацией, никогда не достигнет успеха в активной практике Дзэн. Если ему придется очутиться в суете мирской, все жизненные силы, ранее приобретенные, бесследно испаряются, и он будет уступать даже) человеку, который вовсе не практиковал Дзэн. Любой пустяк сможет его огорчить, заставить нервничать и поступать как пристало лишь трусу...»

КАМЕНЬ НАД ПРОПАСТЬЮ

«Ле, Защита разбойников, стрелял на глазах у Темнеющего ока: натянул тетиву, поставил на предплечье кубок с водой и принялся целиться. Пустил одну стрелу, за ней другую и третью, пока первая была еще в полете. И все время оставался неподвижным, подобно статуе.

— Это мастерство при стрельбе, но не мастерство без стрельбы, — сказал Темнеющее око. — А смог бы ты стрелять, если бы взшел со мной на высокую гору и встал на камень, висящий над пропастью, глубиной в сотню ЖЭНЕЙ?

И тут Темнеющее око взшел на высокую гору, встал на камень, висящий над пропастью, глубиной в сотню ЖЭНЕЙ, отступил назад до тех пор, пока его ступни до половины не оказались в воздухе, и знаком подозвал к себе Защиту разбойников. Но тот лег лицом на землю, обливаясь потом с головы до пят.

— У настоящего человека, — сказал Темнеющее око, — душевное состояние не меняется, глядит ли он вверх в синее небо, прони-

кает ли вниз к Желтым источникам, странствует ли ко всем восьми полюсам. Тебе же ныне хочется зажмуриться от страха. Опасность в тебе самом».

СИЛА ИСКРЕННОСТИ

Как-то чаньский монах спросил учителя: «Говорят, когда лев бросается на врага, будь то заяц или слон, он употребляет всю свою силу. Что это за сила?»

Учитель отвечал: «Дух искренности».

СТРЕЛОК ИЗ ЛУКА

В незапамятные времена жил некий лучник. Днем и ночью он упражнялся в стрельбе из лука и снискал славу великого стрелка. Однажды темной осенней ночью мастер, как всегда, тренировался в своем искусстве посреди безмолвия горного леса. Внезапно на утесе шевельнулась тень, и в лунном свете мелькнул силуэт замершего перед прыжком тигра. Мастер мгновенно наложил стрелу и спустил тетиву, метая в голову тигра. Лес по-прежнему молчал. Мастер вернулся домой, а на следующий день отправился за шкурой, но

тигра не нашел. Присмотревшись, он увидел свою стрелу, глубоко вонзившуюся в каменную толщу утеса. Тигра не было, стрелку лишь показалось, что во тьме прячется хищник, но его дух, все его жизненные силы, вся энергия сосредоточились на острие стрелы, которая пронзила камень, словно глаз зверя.

СМЫСЛ ВЕЛИКОГО ДАО

Когда ученик спросил чаньского наставника в чем смысл великого ДАО, тот ответил:

— В простом, здравом смысле. Когда голоден, ем, когда устал, сплю.

— Но разве все делают не то же самое? — спросил ученик.

— Нет, — отвечал наставник, — большинство не присутствуют в том, что они делают.

МОНАХ РИН-АН

Однажды знаменитый японский военачальник и поэт Датэ Масамунэ (XVI—XVII вв.) задумал найти нового настоятеля для фамильного дзэнского храма. Кандидатура была ему вскоре представлена: Масамунэ пригласил к себе в замок монаха по имени Рин-

ан. Когда монах явился никто не вышел ему навстречу. В полном одиночестве он шел по залам и коридорам, наконец, толкнул последнюю закрытую дверь и увидел хозяина. Князь Масамунэ стоял на пороге, занеся над монахом меч. «Что скажешь в этот миг между жизнью и смертью?» — грозно спросил князь. Не теряя времени, монах нырнул под руку Масамунэ, обхватил его за талию и так тряхнул, что тот опустил меч от неожиданности и боли. «Опасные шутки ты шутишь», — заметил Масамунэ, слегка оправившись после шока. «Ох, уж эта ваша гордыня!» — ответил монах, опуская мертвую хватку.

СОСРЕДОТОЧЕНИЕ В ТОЧКЕ

70-летний старик на Гавайях, который изучал Айкидо, использовал для тренировок сосредоточения время вождения машины, бессознательно концентрировал КИ в точке, когда внезапно возникла угроза дорожного происшествия. Он ехал по горной дороге. Шел дождь. Внезапно из-за угла появился грузовик. Его машина заскользила и обе машины столкнулись. Перед его машины был смят ударом. Обычно руль врезается человеку в грудную клетку, но тут он был совершенно



цел. Осмотревшись, он увидел изогнутый руль. Руль был неизвестно как согнут во время столкновения.

Это естественно: так как он был сосредоточен в точке, КИ вышло из его тела и его руки стали негибачемы. Толчок при столкновении прежде всего отразился на руле. Старик счастливо отмечал, что у него был шанс убедиться в силе КИ.

КУПАНИЕ В ГОРНОЙ РЕЧКЕ

В моей родной деревне, вспоминает Коити Тохеи, ежедневно во время первых трех дней Нового года я собираю желающих членов общества КИ вместе, и мы идем к реке тренироваться. Температура воздуха может доходить до 8—9° мороза и вода, текущая со снеговых горных вершин, очень холодна.

Если вы окунете в нее палец, вы почувствуете пронизывающий до костей холод. Когда начнется восход солнца, все мы делаем легкую разминку и следуем за ведущим в воду на глубину, доходящую до колена. Когда старший командует «Вниз!», мы приседаем так, чтобы вода доходила до наших плеч. Затем он командует: «Кричать!». Каждый кричит изо всех сил. Примерно через три минуты мы

поднимаемся. Иногда мы повторяем этот процесс 2 или 3 раза, пока ведущий не скажет «Встать!», и каждый идет на берег. После этого мы обтираемся насухо, одеваем тренировочные костюмы и выполняем дыхательные упражнения. Таким образом, мы начинаем каждый год наши тренировки.

Иногда некоторые из членов волнуются, не заболели ли они. Я всегда отвечаю: «Если вы хотите заболеть — заболите. Если нет — нет!»

Однажды человек, не занимавшийся развитием КИ, попросил разрешения участвовать в этом процессе. Хотя в моих правилах отказывать в таких случаях, однако человек был очень настойчив. Я решил обучить его сосредоточению в точке в нижней части живота и теории расширения КИ. После чего разрешил ему присоединиться к нам. Находясь в воде, он полностью выполнял то, что я сказал ему, и все шло хорошо.

. Выйдя из воды, он стал слишком самоуверен и вышел из сосредоточения. Его стало трясти как лист. Другие ученики стояли вокруг совершенно спокойно, без каких-либо проявлений того, что им холодно, и смеялись над этим дрожащим человеком. Я немедленно помог ему сосредоточиться в точке нижней части живота и он перестал дрожать.

Это не только упражнение способности преодолевать холод. Во-первых, это тест, помогающий осознать силу вашего тела в умении сосредоточиться на нижней части живота и распространять ваше КИ. Во-вторых, входя в реку, мы оставляем и отбрасываем все плохие мысли и неудачи и выходим «очищенные», полные КИ в «+» состоянии. В-третьих, этот вход в реку также помогает развить сильное позитивное состояние, предохраняющее нас от простуды.

Итак, все, что вам нужно уметь делать, это сосредоточиться и попытаться объединить ваше КИ с мировым КИ через расширение вашего КИ. Тогда ваши жизненные силы станут активнее.

УДАР ОДНИМ ПАЛЬЦЕМ

Удар одним пальцем является самым трудным, и лишь несколько человек во все времена достигли искусности в этом, и это является высшей точкой искусства. Пятилетняя тренировка не принесет ее. Мой учитель рассказывал мне, что в области Кэйчоу-юань, человек по фамилии Ху потратил 50 лет, совершенствуя это искусство. Он был в сопроводительной охране для нескольких контрабанди-

стов опнумом, таким образом, мог широко путешествовать, испытывая свое искусство. Ему было больше 70 лет, когда он нанялся в стражу и был правдиво непобежденным. Однажды два десятка вооруженных хулиганов атаковали его в чайной и Ху был в состоянии отразить их оружие и полностью разгромить их, исключительно используя один палец. Мой учитель видел это происшествие и похвалил искусство Ху как превосходное.

ПРОСВЕТЛЕНИЕ МА-ДЗУ

Чань-буддисты приводят очень поучительную историю о том, как сам Ма-дзу достиг «просветления». Он жил в горах, в уединенной хижине и в одиночестве занимался медитацией, не обращая внимания на тех, кто приходил навещать его.

Однажды Хуай-жан подошел к хижине и, встав перед ним, стал полировать кирпич, на что Ма-дзу не обратил никакого внимания. Это продолжалось очень долго. Наконец, Ма-дзу спросил: «Что ты делаешь?» Хуайжан ответил, что полирует кирпич, чтобы сделать из него зеркало. «Разве можно сделать зеркало, полируя кирпич?» — спросил Ма-дзу. Хуайжан ответил: «Если зеркало нельзя получить,

полируя кирпич, как можно стать буддой, практикуя медитацию?». И в этот момент на Ма-дзу нашло «озарение».

ВХОДЯЩИЙ В ПОТОК

Конфуций, возвращаясь из Вэй в Лу, остановил повозку у моста и загляделся на реку: водопад снипадал с высоты в тридцать жэней, водоворот бурлил на девяносто, ни рыбе не проплыть, ни черепахе ни кайману...

А некий человек собрался перейти его вброд. Конфуций послал к нему учеников, чтоб удержать его и сказать:

— Водопад ниспадает с высоты в тридцать жэней, водоворот бурлит на девяносто ли, ни рыбе не проплыть, ни черепахе, ни кайману...

Тому, кто вздумает через него перебраться, — придется нелегко!

Но человек их не послушался: он перешел через поток и выбрался на другой берег.

— До чего же вы ловки! — воскликнул Конфуций. — У вас, видно, есть свой секрет? Как это вам удалось войти в такой водоворот и выбраться оттуда невредимым?

И человек ответил так:

— Как только вступаю в поток — весь отдаюсь ему и вверяюсь. Так, отдавшись и вве-

рившись, следуя за ним до конца. Отдавшись и вверившись, располагаю свое тело в волнах и течениях, не смея своевольничать. Вот почему могу войти в поток и снова выйти.

Запомните это, ученики! — сказал Конфуций. — Воистину, даже с водой, отдавшись ей и вверившись, можно сродниться — а уж тем более с людьми!

ДВА МАСТЕРА

Гань Ин в старину преуспел в стрельбе из лука: натянет, бывало, тетиву и — звери сами валятся наземь, а птицы падают с неба. Ученик по прозвищу Фэй Вэй учился у него стрелять и в мастерстве превзошел наставника. А некий Цзи Чан хотел научиться стрелять у Фэй Вэй.

— Сперва научитесь не моргать, — сказал Фэй Вэй, — а там можно будет потолковать и о стрельбе.

Вернувшись домой, Цзи Чан улегся под жениным ткацким станком и стал провожать взглядом каждое его движение. Через два года не моргал — даже когда ему совали шило в глаз, и доложил о том Фэй Вэй.

— Это еще не все, — сказал Фэй Вэй. — Теперь научись смотреть, — а там уж мож-

но будет и стрелять. На малое смотри как на большое, на смутное — как на ясное. Потом доложишь мне.

Цзи Чан подвесил у себя в окне вошь на конском волоске и, обратясь лицом на юг, принялся ее разглядывать. Через десяток дней вошь расплылась, разбухла, а через три года казалась уже с тележное колесо. А прочие предметы, когда он на них глядел, величиной казались с холмы и горы. Тогда он взял луч из яньского рога и бамбуковую стрелу, спустил ее и поразил вошь прямо в сердце, не оборвав волоска.

Когда он доложил о том Фэй Вэй, тот высоко подпрыгнул, ударил себя в грудь и воскликнул: — Вот теперь ты овладел мастерством!

А Цзи Чан, постигнув до конца искусство Фэй Вэй, решил, что теперь остался у него единственный соперник во всей Поднебесной. И замыслил Фэй Вэй убить.

И вот, встретившись в поле, они принялись осыпать друг друга стрелами. А те сшибались на полдороге наконечниками и падали наземь, не поднимая пыли. У Фэй Вэй раньше кончились стрелы, а у Цзи Чана осталась еще одна. Он ее выпустил — но Фэй Вэй отразил ее стрелой из колючки терновника, так и не уступив сопернику ни в чем.

И тогда они оба, рыдая, бросили свои луки и, поклонившись один другому до земли, попросили друг у друга согласия именоваться впредь отцом и сыном. И каждый, надрезав себе руку, кровью поклялся никому больше не разглашать тайн своего искусства.

БОЙЦОВСКИЙ ПЕТУХ

Цзи Син-цзы взялся обучать для царя бойцового петуха.

Через десять дней царь спросил:

— Ну как, готов петух?

— Нет еще, — ответил Цзи Син-цзы, — чванлив, кичится попусту. Через десять дней царь спросил его о том же.

— Пока еще нет, — отвечал Цзи Мин-цзы, — откликается на каждый звук, кидается на каждую тень.

Через десять дней царь вновь спросил его о том же.

— Все еще нет, — ответил Цзи Син-цзы, — смотрит злобно, так весь и пышет яростью.

Через десять дней царь снова повторил вопрос.

— Вот теперь почти готов, — ответил Цзи Син-цзы. — Услышит другого петуха — даже не шелохнется. Посмотришь на него, как де-

ревянный. Достоинства его достигли полноты. Ни один петух не решится откликнуться на его вызов — повернется и сбежит.

ЗМЕЯ И ВЕТЕР

Одноногое чудище позавидовало Многоножке, Многоножка позавидовала Змее, Змея позавидовала Ветру, Ветер позавидовал Глазу, Глаз позавидовал Сердцу.

И Чудище сказало Многоножке:

— Я скачу на одной ноге, а за тобой не поспеваю. Ты же управляешься с десятком тысяч ног — и как только в них не запутаешься?

— Еще чего! — сказала Многоножка. — Ты что, не видело, как плюются? Брызгами крупными, как жемчуг, и мелкими, как туман, и счета нет — но все, смешавшись, падают на землю. Вот и я двигаюсь с помощью своего естественного устройства, а почему так получается — не знаю.

И Многоножка сказала Змее:

— Сколько у меня ног, а не могу догнать тебя, Склоноугу. Почему бы так это?

— Мною движет естественное устройство, — ответила Змея. — Разве можно его изменить? Да и что бы я стала делать с ногами?

И Змея сказала Ветру:

— Я шевелю позвонками и ребрами — и передвигаюсь, как если бы у меня были ноги. Ты же с ревом взмываешь над Северным морем и с ревом бушуешь над Южным — а тебя вроде бы и нет. Как же у тебя получается?

— Да, это так, — ответил Ветер. — Я с ревом взмываю над Северным морем и с ревом бушую над Южным. Но ткни в меня пальцем — и меня одолеешь, наступи на меня — и меня победишь. И все же только я один могу валить огромные деревья и сокрушать большие здания. Ибо из многих мелких неудач творю великую победу. А одержать великую победу способен лишь мудрец.

ВРАТА РАЯ

Воин Нобусигэ пришел к Хакуину и спросил: «Это правда, что есть рай и ад?»

— Кто ты? — спросил Хакуин.

— Я самурай.

— Ты солдат! — воскликнул Хакуин.

— Какой правитель возьмет тебя в охрану, если у тебя рожа нищего попрошайки?

Нобусигэ рассвирепел и схватился за меч.



— Ах, так у тебя и меч есть, — продолжал Хакуин, — и, наверное, слишком тупой, чтобы отрубить мне голову.

Тут воин выхватил меч, а Хакуин заметил: «Вот открылись ворота ада».

При этих словах самурай понял учение мастера, спрятал меч и поклонился.

— Вот открылись ворота рая, — сказал Хакуин.

ОРЕЛ И РЕШКА

Великий японский воин Нобунага решил атаковать в десять раз превосходящие силы противника. Он был уверен в победе, но солдаты сомневались.

По пути Нобунага остановился у синтоистского святилища и обратился к войску:

«Когда я выйду из храма, я кину монету. Выпадет орел — мы победим, выпадет решка — будем резбиты Мы в руках судьбы!»

Нобунага вошел в храм и совершил молчаливую молитву. Потом вышел и бросил монету. Выпал орел. Солдаты сражались с таким воодушевлением, что легко разбили врага.

«М-да, судьбы никому не избежать», — задумчиво произнес слуга великого воина после боя.

«Точно», — подтвердил Нобунага, показав монету, у которой с каждой стороны был орел.

ПРОФЕССОР И МАСТЕР ДЗЭНА

Нань Ин, дзэнский наставник в царствование Мэйдзи (1868—1912), принимал университетского профессора. Профессор хотел расспросить его о сути дзэн. Угощая гостя чаем, Нань Ин перелил через край чашки и спокойно продолжал лить дальше. Профессор не удержался и воскликнул: «Она переполнена! Больше не войдет!»

«Подобно этой чашке, — сказал Нань Ин, — и вы полны вашими собственными мнениями и соображениями. Как я могу раскрыть вам дзэн, пока вы не опорожните свою чашку?»

ДЗЭНСКИЙ СТАРЕЦ И ВОР

Рекан, дзэнский старец, жил простой жизнью в хижине у подножия горы. Однажды вечером вор забрался туда и убедился, что взять нечего. Рекан вернулся в хижину, увидел вора и удержал его. «Вы проделали большой путь, чтобы посетить меня, — сказал он

грабителю, — не должны уйти с пустыми руками. Пожалуйста, возьмите как дар мою одежду».

Ошеломленный вор взял одежду и ускользнул. Голый Рекан остался сидеть, глядя на луну. «Бедный малый, — пробормотал он. — Жаль, что я не могу подарить ему эту луну».

ОЯМА И КАМЕНЬ

Эпизод этот произошел во время восемнадцатимесячного уединения мастера Оямы в горах в конце 40-х годов. Продвигаясь шаг за шагом по пути боевого искусства, Ояма поставил перед собой очередную задачу. Он выбрал камень подходящего размера и попытался расколоть его ребром ладони, но камень не поддавался. В течение десяти дней Ояма упорно возобновлял свои попытки, но безуспешно. Обычно по ночам, следуя советам мастера дзэна, Ояма медитировал, созерцая круг на стене своей хижины. Но тут он решил сделать объектом медитации неподдающийся камень. Однажды ночью он, как обычно, сидел и смотрел на камень и вдруг почувствовал, что сможет его расколоть. Он вынес камень из хижины, положил на землю, стал ря-

дом с ним на одно колено и продолжал смотреть на него. Чувство, что он сможет разбить камень, переросло в уверенность... В бесстрастном состоянии сознания он нанес удар ребром ладони. Камень раскололся на две равные половинки. Ояма долго смотрел на них до тех пор, пока вера в себя всецело не охватила его. Озарение, которое он испытал в эту ночь, оставило след на всю жизнь. Впоследствии Ояма разбил бесчисленное количество камней, а покидая свою хижину, оставил неподалеку груды осколков.

СИЛА ПРОТИВ ТЕХНИКИ

Есть старая восточная легенда об одаренном необычайной силой бойце, который мог разбивать невероятное число самых разных предметов. Уверовав в свою непобедимость, он вызвал на поединок мастера, который не обладал такими способностями, но в совершенстве владел техникой и тактикой ведения боя. Поверженный через несколько секунд на землю, силач был изумлен, а соперник сказал ему, что человек — это не груда черепиц, не оказывающая сопротивления, а существо, которое движется и к тому же обладает разумом.



ЭФФЕКТИВНЫЙ ПРИЕМ

«Искусство мобилизации разума—воли» (иаи-дзюцу) — продукт чисто японской, самурайской воинской культуры. Иаи-дзюцу воспитывало навыки мгновенной самомобилизации при переходе от пассивного, расслабленного состояния в сидячей (разумеется, сидя на пятках) позе к стремительной атаке. Легенда приписывает изобретение иаи-дзюцу, жившему в XVII веке, Ходзе Дзинскуэ, который, желая отомстить убийце своего отца, долго размышлял, как застать противника врасплох, не прибегая, однако, к подлому убийству из-за угла. В конце концов он понял, что необходимо научиться в мгновение ока обнажать клинок и разить врага, будучи, казалось бы, в самом невыгодном положении. Замысел удался, и отец Ходзе был отомщен, а сокровищница будзюцу обогатилась новым эффективным приемом.

ЯМАГУТИ И ТИГР

Выдающимся мастером современного кэмпо был Ямагути Гогэн. В молодости он отличался невероятной силой, ловкостью и прыгучестью

Среди профессионалов Ямагути получил прозвище Кот (Нэко) и вполне оправдывал это сравнение в стремительных атаках и пластичных уходах. В 1930-е годы он неустанно оттачивал свое мастерство, а затем был направлен на разведывательную работу в Китай, где ему представилась хорошая возможность пополнить свои технические познания в кэмпо.

Однако в один прекрасный день японский шпион был схвачен гоминьдановскими властями. Китайцы, которые знали, с кем имеют дело, предложили Ямагути выбор: пулю в лоб или... гладиаторские игры. Кот выбрал второе. И вот на рассвете его вывели во двор тюрьмы, где стояла бамбуковая клетка с голодным тигром. Развязав пленнику наскоро руки и ноги, его втокнули в клетку и захлопнули дверцу. Толпа любопытных собралась вокруг. Но аттракцион закончился быстрее, чем можно было предполагать. По свидетельству очевидцев, события развивались так. Увидев непрошеного гостя, тигр отступил в угол, глухо зарычал, прижал уши и присел на задние лапы, готовясь к прыжку. Используя этот момент, Ямагути сам прыгнул вперед и одним ударом кулака в переносицу поверг хищника на землю. Исполинская кошка скончалась в страшных мучениях, а Кот был с почетом препровожден на родину.

МУСАСИ И ЧЕТЫРЕ МУХИ

Класс мастерства самурая характеризовался в первую очередь быстротой реакции. Почувительный случай приводится в жизнеописании знаменитого Миямото Мусаси. Однажды в глухой провинции Мусаси забрел на постоялый двор. Усевшись в углу, он положил рядом меч и заказал обед. Вскоре в комнату ввалилась подвыпившая компания. Пришельцы были с ног до головы увешаны оружием и выглядели разбойниками с большой дороги. Присмотрев одинокого посетителя и его великолепный меч в драгоценных ножнах, бродяги сбились в кучу и принялись шептаться. Тогда Мусаси спокойно взял палочки для еды и четырьмя уверенными движениями поймал четырех жужжавших над столиком мух. Бродяги, видевшие эту сцену, бросились наутек, отведывая низкие поклоны.

МУСАСИ И ГОНОСКЭ

В Японии вплоть до XVII века дубина и кол оставались оружием простонародья. Канони-

зация приемов боя с обычной палкой приписывается самураю Мусо Гоноскэ. Много лет Мусо изучал технику владения шестом в школах Катори и Касима. Освоив все секреты бодзюцу, он отправился странствовать из провинции в провинцию со своей жердью. В поединках с противником, вооруженными алебардами и мечами, он не знал поражений. Возгордившись, Мусо послал вызов самому Миямото Мусаси, величайшему фехтовальщику эпохи. Схватку он позорно проиграл, но великодушный Мусаси подарил побежденному жизнь. Вне себя от горя, Мусо удалился на южный остров Кюсю и там жил долгие годы отшельником в глубине гор до той самой ночи, когда на него, как и следовало ожидать, снизошло прозрение. Наутро Мусо, следуя божественным рекомендациям, вырезал палку из бука и стал разучивать движения, представлявшие нечто среднее между бодзюцу и кэн-дзюцу. Он разработал 12 основных упражнений (по числу знаков зодиака) и назвал свое изобретение дзе-дзюцу, то есть искусство дубины. С помощью дзе было удобно наносить тычковые удары по болевым точкам. Новым оружием Мусо сумел-таки одолеть непобедимого Мусаси. Сделав ответный жест, он тоже сохранил противнику жизнь.

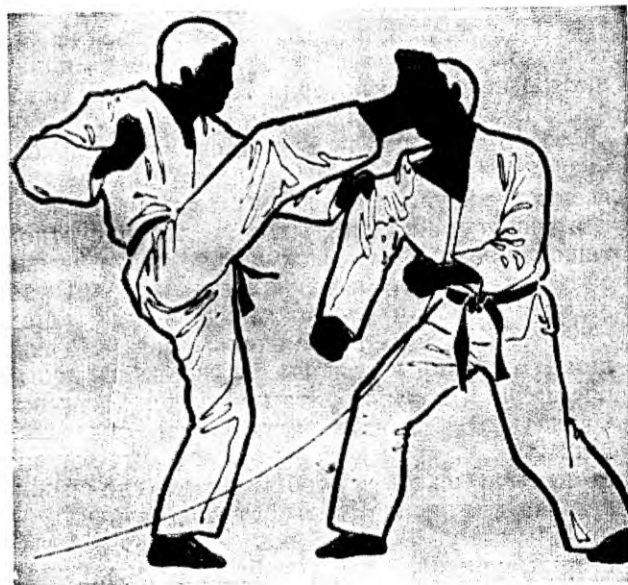
МУСАСИ И ДЗЮБЭИ

Однажды Миямото Мусаси странствовал по дорогам центральной Японии. Завидев в отдалении фигуру самурая среднего роста и крепкого сложения, он по осанке сразу же определил крупного мастера БУДЗЮЦУ. Подойдя ближе и оценив «духовную наполненность» (коку) неизвестного самурая, Мусаси решил про себя, что навстречу ему идет не кто иной, как знаменитый мастер меча Ягю Дзюбэй, глава прославленной школы Ягю синкагэ-рю. Путники поравнялись и молча разошлись, обменявшись взглядами. Пройдя еще несколько шагов, оба одновременно оглянулись, и неизвестный спросил: «Простите, уважаемый, не вы ли будете Мнямого Мусаси?» — Да, — ответил Мусаси, — а вы, конечно, Ягю Дзюбэй?». Обменявшись краткими приветствиями, они направились в придорожную корчму и заказали по чашке чая. Пили не торопясь, время от времени поглядывая друг на друга. Потом попросили принести им облавные шашки (го) и принялись за игру. Стиль игры был у каждого свой, но решающего перевеса ни один из партнеров не мог

добиться. Молча они признали ничью, встали, раскланялись и разошлись. Обоим не понадобилось ни единого слова, ни единого жеста для того, чтобы убедиться в равенстве сил, полном ментальном паритете.

СТАРИК И ДРАЧУН

...Один юноша, три года изучавший каратэ, добился больших успехов. Почувствовав силу, он стал запугивать и притеснять жителей соседней деревни. Однажды, на горной дороге он встретил старика и грубо потребовал, чтобы тот убирался с его пути. Старик вежливо попросил пропустить его, но юноша стал жестоко избивать старика, пока тот не распростерся на земле. Победитель восторжествовал — все его удары, отличавшиеся большой силой, достигли цели. Он же не встретил сопротивления, не считая того, что старик, по-видимому, случайно нанес ему едва ощутимый удар в область сердца. Юноша даже не вспомнил об этом, когда вернулся в свою деревню. Находившиеся неподалеку люди видели происшедшее, но не осмелились заступиться за старика, зная силу и буйный нрав юноши. Однако, как только он исчез, они бросились к пострадавшему, стараясь ему помочь. Но



он вдруг сам поднялся, легко выпрямился и быстро ушел.

Примерно через две недели юноша начал чувствовать тошноту после еды и перестал хорошо спать. Через пять недель он уже ничего не мог удержать в желудке, и силы его таяли, как снег на весеннем солнце. К концу шестой недели он потерял 10 кг веса, не вставал с постели и был почти при смерти. Теперь он точно знал, что причиной его смертельного недуга был старик — его один-единственный незаметный удар. На пороге смерти он, наконец, понял свою вину, понял, что в суетном тщеславии поддался искушению стать самым сильным, чтобы обрести власть над окружающими его людьми, держа их в постоянном страхе. Искренне раскаявшись и зная, что дни его сочтены, юноша пожелал получить прощение и послал брата на розыски старика. Сделать это, к удивлению брата, оказалось нетрудно. Старик как бы знал, что юноша станет его искать, и сообщил всем, где он живет. На следующий день брат привел его к умирающему. Юноша попросил прощения, и старик, увидев, что просьба его искренняя, предложил свою помощь. Он дал юноше выпить какую-то жидкость, после чего тот сразу заснул. Постепенно силы стали возвращаться к юноше, и через неделю он был уже здоров.

Старик оказался учителем каратэ, проживавшем неподалеку. Он рассказал, что встреча на горной дороге не была случайной — жители соседней деревни, долго терпевшие недостойное поведение молодого каратиста, обратились к нему за помощью. По их просьбе старик и решил преподать юноше урок. Узнав об этом, юноша попросился к старому мастеру в ученики. Тот оказал ему доверие, и впоследствии юноша стал его лучшим воспитанником...

ПРОХОДЯЩИЙ СКВОЗЬ ОГОНЬ

Император со стотысячной свитой охотился в Центральных горах. Он поджог высокие травы, огонь охватил лес и распространился на тысячи ли. Вдруг невдалеке от императора из расщелины скалы показался человек. Находясь в центре пламени, он взлетал вместе с дымом и опускался вместе с пеплом. Все решили, что это демон. Когда пожар утих, человек спокойно отправился дальше, как будто и не было огня, в котором он горел. Император подивился и велел задержать незнакомца. Он внимательно оглядел его. Судя по форме тела, семи отверстиям в голове, по дыханию и голосу, это был человек.

Император спросил его: «Следуя какому пути ты живешь в камне и проходишь сквозь огонь?» Однако незнакомец, не ответив на вопрос, удалился. Никто не сумел удержать его. Тогда спросили придворного мудреца, что это был за человек.

«В соответствии со слыханным мною от моего наставника, — отвечал мудрец, — человек, идущий путем дао и находящийся в гармонии с внешним миром, совершенно таков, как окружающие его вещи. Ничто не может ранить его, заразить или причинить другой вред. Для него одинаково легко пройти сквозь металл и камень, пронизать огонь и воду».

ПОБЕЖДАЮЩИЙ НЕ ПРИКЛАДАЯ РУК

Однажды, когда Бокудэн плыл с попутчиками на большой лодке по озеру Бива, молодой задиристый самурай вызвал его на поединок. «Какая же у вас школа?» — заносчиво просил юный фанфарон. — «Школа побеждающих не прикладая рук», — спокойно ответил Бокудэн. Решено было драться на маленьком островке посреди озера, чтобы не причинить вреда другим пассажирам. Когда лодка подошла к островку, любитель дуэлей

первым прыгнул на берег. Тогда Бокудэн взял весло и оттолкнулся от камня. Лодка поплыла прочь от острова, где остался незадачливый драчун. «Такова школа побеждающих не прикладывая рук», — резюмировал Бокудэн, не пожелавший напрасно проливать кровь молокососа.

МАСТЕР И ТРИ СЫНА

У мастера было три сына, которые с детства обучались владению мечом. Пришло время — и отец решил проверить, на что способны его наследники. На шнурке занавески, прикрывавшей в комнату вход, он поместил подушечку, которая должна была упасть при легком колебании ткани. Затем трое сыновей были вызваны к отцу в порядке старшинства. Подойдя к двери, старший сын по легкому провисанию шнурка, конфигурации складок и прочим малозаметным признакам догадался, что над входом — какой-то посторонний предмет. Протянув руку, он осторожно снял подушку, раздвинул складки занавески и вошел. Средний сын подушки не заметил, но когда она сорвалась со шнурка, юноша успел поймать ее в полете. Младший сын рывком откинул занавеску, и подушка шлепнулась ему

на затылок — но прежде, чем она успела коснуться земли, бравый самурай рассек ее надвое мечом. «Ты, сын мой, — сказал отец старшему, — готов к тому, чтобы стать на путь меча. Ты, — сказал он среднему, — должен еще немало потренироваться, а ты, мой младший сын, позор для нашего рода!»

МАСТЕР ФУГЭЙ

Почувствовав приближение смерти, Фугэй попросил одного из монахов вырыть глубокую яму. Затем Фугэй опустил в нее и, стоя в ней, с чувством огромного достоинства, приказал монаху закидать его землей.

МАСТЕР ТАККАН

Таккан умирал. Ученики попросили его написать поэму смерти. Он отказался. Ученики продолжали настаивать и тогда он нарисовал иероглиф Юм (Сон), и... умер.

МАСТЕР ХОФУКУ

Мастер созвал своих монахов и сказал: «В течение последней недели моя энергия истощилась. Но причины для волнений нет: это

просто означает, что смерть приближается».

Один из монахов спросил: «Ты находишься на грани смерти. Что это означает? Мы продолжаем жить. Что это означает?»

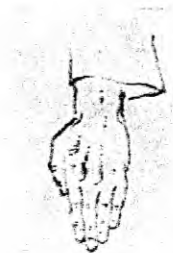
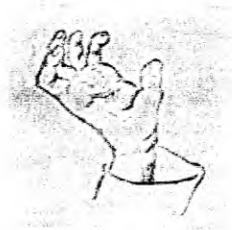
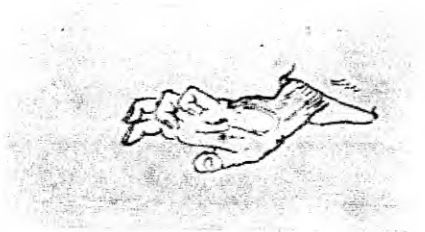
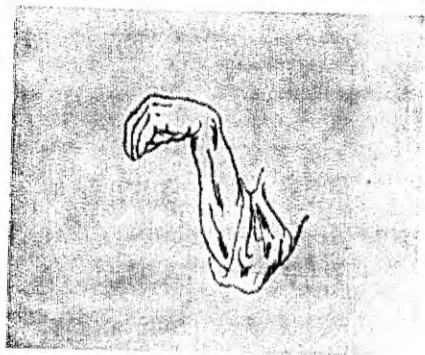
«И то, и другое значит Путь», — ответил мастер.

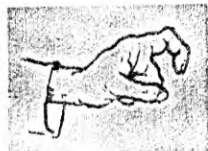
«Но как отличить одно от другого?» — спросил монах.

Хофуку ответил: «Когда идет дождь, дождь льет», — и, приняв позу лотоса, мастер тихо умер.

РОСИ ТАЙИ

Когда Роси Тайи, современный мастер Дзэна, почувствовал приближение смерти, он собрал возле своей постели своих старших учеников. Один из них помнил, что слово «роси» означает один из видов пирожного, поэтому он потратил полдня, чтобы найти в каком-нибудь магазине Токио это роси. Теперь же, придя к мастеру, он подарил ему это роси. Слабо улыбаясь, Роси взял пирожное и стал его есть. Роси становился все слабее и слабее. Ученики наклонились к нему и спросили, есть ли у него последние слова для них. «Да», — ответил Роси. «Скажи же нам!» — нетерпеливо спросили они. «Роси очень вкусное!» — ответил мастер и с этим умер.





РОСИ ЯМАМОТО

Почти полностью ослепнув в возрасте девяноста лет и будучи неспособным обучать и работать, мастер Дзэна Ямамото решил, что пришло время умирать и перестал есть. На вопрос монахов, почему он не принимает пищу, мастер ответил, что видит свою бесполезность и чувствует, что является обузой для всех, поэтому он решил, что пора умирать. Монахи сказали ему: «Сейчас — январь. Если ты умрешь сейчас, нам будет неудобно и хлопотно тебя хоронить и ты будешь еще большей обузой для нас. Поэтому ешь, пожалуйста!» Мастер начал снова принимать пищу. Когда потеплело, он снова перестал есть и вскоре умер.

БИТВА МАСТЕРА АБЭ

Коро Абэ подобрал нижние края хакама и заправил их за пояс, обнажая ноги, как будто слепленные из мощнейших жгутов мышц. Он привычным жестом поправил катану, прикрепленную к поясу у левого бока, и короткий фамильный меч, висевший на спине

на скрещенных шелковых шнурах. Укороченные рукава его кимоно не могли скрыть уродливо гипертрофированных рук, которые он старался не показывать во время редких дворцовых приемов. Но эти руки способными были творить чудеса, о которых потом слагали легенды, прибавляя к правде вымысел и делая из живого мастера полубога-полудьявола.

Абэ видел своих соперников — они неспешно выезжали из-за дальнего леса и, выстроившись веером, направились в его сторону. Впереди красовался Такамото, известный своей хитростью и жестокостью самурай, придворный, носящий высокий чин четвертого ранга, поэт, художник, каллиграф, прекрасно владевший искусством меча, и человек, плохо признававший правила приличия. Он позволял себе даже в присутствии сегуна выполнять ритуал почтения только наполовину. Но его гордая голова с холодными немигающими глазами, смотревшими всегда сквозь человека, крепко держалась на плечах, а подвиг спасения сегуна во время одной из битв, когда Такамото, прорубившись сквозь строй врагов, помог окруженному властелину и тем спас его от смерти, делал этого родовитого самурая близким к самым верхам власти и практически неуязвимым для его врагов, ибо покрови-

тельство самого сегуна давало Такамото неограниченные возможности.

Абэ, происходивший из самурайского рода, но не столь именитого, был гордым и свободным самураем. Это право ему досталось от отца, получившего «грамоту самостоятельности» за особые заслуги перед страной Ямато. Но теперь Такамото посягнул на свободного самурая и прислал Коро Абэ вызов, предлагая решить спор в поединке. Если Абэ победит, то Такамото отдаст ему грамоту правящего сегуна, подтверждающую права рода Абэ на независимость. Если же Абэ потерпит поражение, то он становится вассалом Такамото и все владения рода будут принадлежать роду Такамото.

Такамото прибыл на встречу в сопровождении двадцати преданных вассалов, каждый из которых ненавидел свободного Абэ и готов был по одному взгляду властелина броситься и зарубить этого непокорного самурая. Такамото подъехал и остановился, самурай по возможности своему господину сойти с коня и снять часть доспехов, ведь их властелину предстояло продемонстрировать не искусство киуши — борьбы в латах, а сражаться всеми доступными способами, применяя все многообразие искусства джиуджитсу, фамильная школа кото-

рого в роду Такамото называлась «кумиуши» — латы, которые всегда при себе.

Абэ и Такамото опустились на колени друг перед другом, и, закрыв глаза, каждый из соперников прочел свою молитву, прося себе удачу, а сопернику поражение, утверждая в своем сердце смелость и спокойствие. Оба почти одновременно открыли глаза и поклонились друг другу. Подданные Такамото расположились полукругом за спиной своего господина, готовые по первому зову броситься на помощь. Коро внимательно смотрел на своего смелого и опытного соперника, отмечал, что молодой властительный господин обладает и силой, и врожденной грацией движений...

Такамото обнажил меч первым и встал, ожидая действий своего соперника, но тот по-прежнему полусидел на корточках перед своим именитым врагом, упершись мощными руками в колени и просто смотрел вперед, не имея ни малейшего намерения нападать. Такамото незаметно вздохнул, скрывая момент входа от своего соперника, и на выдохе нанес серию атакующих движений. Абэ как-то неуклюже подскочил к Такамото во время очередного взмаха, нанес ему встречный удар, одновременно выбив меч, сделав подножку, сбил соперника на землю и раньше, чем подданные успели схватиться за рукоятки мечей,

Абэ, скрутив ногами руки соперника, молниеносным движением свернул своему именитому сопернику шею. В то же мгновение самурай из свиты Такамото, издав воинственный крик, бросился на убийцу своего господина. Коро выхватил свиток сегунского повеления, сунул его за отворот своего кимоно и, выхватив большой самурайский меч, ринулся в гущу врагов.

Первые двое нападавших были зарублены одним движением, но третий, взмахнув рукой, выпустил гусари в направлении Абэ, одним из концов цепочки с шариком, создававшим нужное утяжеление, обвился вокруг рукоятки меча и, если бы Абэ вовремя не отпустил меч, его кисти рук были бы оторваны вместе с оружием. Повинуясь отработанному инстинкту, Коро, заметив движение сзади, рухнул на землю, откатился под ноги нападавших и сбил троих, двое из которых, дернувшись, навсегда остались лежать, а третьего Абэ сгреб в охапку своими мощными руками и, прежде чем тот успел задохнуться, бросил на мечи ринувшихся на него врагов.

Каждую новую атаку Абэ встречал коротким и быстрым подшагом к своему сопернику, одновременно с этим нанося страшный встречный удар в одну из уязвимых точек или

выламывая колени соперников своим встречным шагом, скорей напоминающим удар. Кору передвигался как страшный паук, имеющий всего две ноги и две руки, но это не мешало ему быть похожим на шестинских маленьких бойцов. Любая часть тела, которая мелькала около него, тут же оказывалась сломанной, выводя своего хозяина из боя, а наиболее нерасторопные, наткнувшись на Абэ, навсегда теряли способность сопротивляться.

Вскоре все соперники были повержены или убиты. Кору Абэ оглянулся — из двадцати самураев в живых осталось восемь искалеченных человек, каждый из которых был обязан сам сделать себе харакири, подчиняясь закону почитания господина и выполняя свой долг самурая, отправляясь вслед за своим хозяином к вечным источникам. Абэ подошел к телу Такамото и отвязал от пояса его фамильный меч — теперь это было его оружием. Свой меч Кору не стал поднимать — оружие, которое было выиграно в бою, перестает слушаться хозяина. Опясавшись мечом своего поверженного врага и поправив свой фамильный меч за спиной, Абэ достал из маленькой сумочки моксу, прижег ею свои раны, останавливая кровь, и заставил боль утихнуть, поправил свой костюм и пошел прочь от места недавней битвы.

Он шел ровным скользящим шагом, несколько переваливаясь из стороны в сторону, издали напоминая маленького паука, потерявшего в смертельной схватке часть своих лапок, но благодаря своему искусству сохранивший жизнь...

УЧЕНИЕ АБСОЛЮТНОЙ ПУСТОТЫ

Когда патриарх буддизма прибыл в Южный Китай, правитель страны принял его и сказал: «Я построил столько-то и столько-то буддийских храмов, по моему приказу перевели столько-то и столько-то книг и нарисовали тысячи икон. Много ли я сделал для буддизма?»

Бодхидхарма ответил: «Ровным счетом ничего!»

«В чем же тогда твое Учение?» — спросил удивленный император.

«Абсолютная пустота и ничего святого!» — услышал он в ответ от прямого «наследника Будды». «Кто же ты такой?» — разгневался правитель. «Я и сам не знаю», — ответил патриарх.

СПЯЩИЙ МАСТЕР

Както раз, когда Миямото Мусаси спал после утомительной тренировки, его старый слуга, занимавшийся работой по дому, оставившись возле спящего и подумал, что вот лежит совершенно беззащитный великий мастер, а он мог бы без труда его убить. Но он не успел даже закончить мысль, как Мусаси уже стоял в защитной позиции с обнаженным клинком в руках. «Странно, — сказал Мусаси, обведя взглядом комнату, — впервые в жизни чувство опасности меня подвело. Только через несколько лет слуга признался хозяину в своих мыслях.

ВОИН ТЕНИ

Пошли вторые сутки, как он сидел в ветвях дерева напротив въезда во дворец Асикага и Киото и ждал. Стоявшие у входа охранники, менявшиеся каждую стражу, даже не догадывались, что в 15 метрах от них, спрятавшись в густой листве, сидел, не отводя глаз от ворот, враг. Он сидел, не двигаясь уже больше двух десятков часов, слившись со стволом и



ветвями дерева, в абсолютной неподвижности, урегулировав дыхание и равномерно напрягая и расслабляя мышцы рук и ног, чтобы они не затекали. Ему не было неудобно или непривычно такое положение, ибо он не ощущал себя человеком, а был лишь частью дерева, превратив свое тело в продолжение ствола и уподобив руки ветвям. Годами отец его учил технике Готтонпо (исчезновение в соответствии с теорией пяти элементов), входившей в искусство Шинби-ири (умение маскироваться и сливаться со средой) — одно из 18 основных искусств Хаттори-рю ниндзюцу. Мокутондзюцу — использование деревьев и кустарника в засаде позволяло ему не раз обманывать врага и исчезать под самым носом у преследователей.

Но сейчас он был деревом, его ветвями, листьями и стволом, и ждал. Он ждал гонца с посланием, которое не должно было попасть по адресу, и поэтому его зоркие глаза в прорези своего капюшона были прикованы к воротам. Наконец, послышался стук копыт, и на мосту через ров показался всадник. По эмблеме на куртке он распознал гонца, которого ждал. Не опуская глаз со всадника, он начал бесшумно спускаться по стволу. Густой кустарник скрыл его от стражника, и вскоре он уже стоял на дороге, по которой только

что промчался, пришпоривая лошадь, гонец с письмом. Сделав глубокий вдох, он соединил пальцы рук в странную фигуру и начал распевать монотонную фразу, то повышая, то понижая голос. Это продолжалось чуть больше минуты, затем он пошел вслед за всадником, постепенно ускоряя и ускоряя шаг, и вскоре с нечеловеческой скоростью бесшумно мчался по дороге, освещаемый лунным светом, напоминая дьявола-тенгу, ибо только дьявол мог бежать так быстро.

Йоситсунэ Миямото, наклонившись к голове лошади, бил пятками в ее бока, заставляя ускорить и без того быстрый бег. До утренней стражи послание Такулдзи Асикага должно быть у его брата Кэйдзи, который, получив его, сразу выступит со своим отрядом в Камакура. Тут-то и придет конец дому Ходзе и власти ненавистных сегунов, а править Поднебесной будет тот, кому волею неба принадлежало испокон веков это право, — император Годайготэнко. Уж он-то — Йоситсукэ не опоздает и доставит послание вовремя, недаром его, несмотря на молодость, приблизил к себе Асикага, значит, доверял он Миямото, а это высшая честь для него!

Не слышал, да и не мог слышать поглощенный честолюбивыми мыслями молодой самурай, как за его спиной появилась черная фи-

гура, которая с каждой секундой приближалась, догоняя скачущую лошадь. Мгновенье — и в руке у черного воина заблестела раскрученная цепь, и Йоситсуке Миямото, захлестнутый поперед горла, страшно захрипел и хватая воздух руками, вылетел из седла, чтобы, упав со всего маха на спину, тут же испустил дух. Ниндзя, осторожно приблизившись, потрогал врага кончиком меча — мертв, затем, склонившись, отвязал от пояса убитого деревянный пенал с посланием и спрятал в складках одежды. Кинув последний взгляд на лежащее перед ним тело, он тихим свистком позвал лошадь и, вскочив на нее, тронулся в обратный путь, освещаемый беспристрастным светом луны.

«ПУСТАЯ РУКА»

Макото легко переигрывал своих соперников во встречах предварительной части турнира, даже не запоминая особенностей этих побед. Впереди были встречи за выход в финал, за победу, славу, признание, почет... Теперь соперники были серьезнее и начинала сказываться усталость от проведенных встреч.

В четвертьфинале Лийч Макото встретился с победителем подгруппы «молодых масте-

ров» двадцатилетним Томо-Ии. Начав с ним поединок, Лийч сразу отметил, что при всей своей техничности, отменной реакции, спорности, смелости его молодой соперник несколько тороплив. И, выждав удобный момент, когда Ии, увлеченный своей атакой, наносил Макото град ударов руками и ногами, пытаясь пробить защиту более опытного мастера, Лийч сделал резкий скользящий удар по ноге Ии, которая через мгновение должна была коснуться пола, и принять на себя вес тела. Томо взлетел в воздух, взмахнув руками и раскрывая корпус, и в этот момент сильный удар кулака Макото перевернул тело соперника в воздухе и отшвырнул его на несколько метров. Ии грохнулся, и хотя защитное снаряжение заметно смягчило удары, но было видно, что удар Макото заметно потряс молодого мастера. Победа, как обычно, была быстрой и легкой.

Соперником Макото в полуфинале был тридцативосьмилетний корейский мастер таэквондо Ким. Это — серьезный соперник, его разящие удары ногами и руками, особенно в прыжке, были очень эффективны. И в то же время во всех предыдущих встречах он продемонстрировал изящество своей техники, не оставив на теле своих соперников ни единой царапины, ни единого синяка.

Поединок начался стремительно. Каждый мастер прекрасно видел, что соперник опытен и уверен в своих силах. В такой ситуации необходима удвоенная выдержка и хладнокровие. Ким выделял сальто и пируэты, каждый раз атакуя Макото из положения в воздухе. Лийч отскакивал, приседал или сам выпрыгивал, совмещая жесткую защиту с разящими атаками и контратаками. Так продолжалось около двух минут, до конца поединка оставалась минута, и необходимо было найти у соперника уязвимое место, чтобы сохранить больше сил для решающей встречи. Лийч подсознательно отметил, что после сложных прыжков Ким приземляется, несколько перенося вес тела на левую ногу. «Травма! Старая травма правой ноги! — понял Макото. — Кореец инстинктивно щадит правую ногу при больших нагрузках, хотя при обычной работе это не заметно». Лийч сделал несколько атак и дал возможность Киму дважды достать себя ногой, что вызвало особое оживление у зрителей, ибо до этого ни одному сопернику Лийч не позволял коснуться поверхности своего белоснежного кимоно. И вдруг пропустить два, хотя и не сильных, но точных удара, которые в конце схватки могли оказаться решающими. Но именно в этот момент Ким провел новую серию ударов, а



Лийч, поймав его движение правой ногой, нанес встречный удар в область голеностопного сустава. Раздался хруст, даже защитное снаряжение не сдержало удара. Ким на миг замер на левой ноге, как бы боясь опустить правую, но этого мига было достаточно, чтобы Макото нанес скользящий удар по его опорной ноге, а когда тот упал, Лийч достал его еще двумя мощными ударами. Все это произошло в какие-то доли секунды, и вмешаться или остановить встречу никто не успел. Старая травма подвела опытного корейского мастера. От травмы на соревнованиях никто не застрахован, но в зале возникло некое волнение, вызванное нарочитой жестокостью Макото. Но его самого это совершенно не волновало. Он готовился к финальной встрече, и более всего его интересовал сейчас будущий соперник, который был загадкой и для участников турнира.

Вторым финалистом был мастер-инкогнито. Таких участников всегда было пять—шесть на каждом из праздников, когда спортсмены или тренеры не называли своего имени по какой-либо причине, но чаще всего это было связано с тем, что наставники и тренеры не хотели в случае поражения открывать свое

имя, чтобы не подрывать веру учеников и приверженцев своей школы. Такое право предоставлялось, каждый проигравший мог не открывать своего имени и школы, но победитель или второй призер обязаны были открыть маску и назвать свое имя и школу. Участников в маске называли «мастера-тени». Именно таким был будущий соперник Макото. Под его одеждой сложно было разобрать возраст, а встречаясь с соперниками, он применял такую разнообразную технику, что определить его школу было практически невозможно. Лийч внезапно пожалел, что старик Сигееси заболел, да еще так серьезно, что вместо себя в кресло руководителя праздника посадил своего сына Ито. Сейчас бы Сигееси увидел, как Макото отделает этого мастера в маске. Но зато это увидят все, а бесстрастный глазок видеокамеры запечатлеет все на кассете, и старику все равно все покажут, и тогда уже Лийч Макото войдет в покои своего бывшего учителя не как ученик, а как будущий преемник. Сомнений у Макото сейчас не было.

Лийч вышел на площадку, сделав ритуальный поклон в сторону жюри, судей на площадке, сопернику и замер. Его неизвестный партнер проделал то же. Прозвучала коман-

да «Хадзиме!» («Начинайте!»), но соперники лишь неторопясь приблизились друг к другу. Мастер-тень несколько отклонил назад корпус, и Макото, опережая его готовящуюся атаку, сам провел серию атакующих движений. Один из ударов достал грудь неизвестного мастера, но тот ловко обкатал удар, и кулак Лийча провалился в пустоту. Макото чуть подался вперед, подчиняясь инерции, и почувствовал, что его запястье схвачено сильной рукой, а тело продолжает двигаться вперед, влекомое контрприемом. Макото не удивился — он знал, когда надо произвести контратаку и поразить своего ловкого противника или в случае невозможности контратаки просто ускользнуть из почти уже захлопнувшейся ловушки. Но неожиданный хлесткий удар в голову сбоку оглушил Макото в тот момент, когда он начал свое контрдвижение. Одновременно с этим кисть его руки вдруг изменила направление, и, подчиняясь боли, Лийч, описав дугу, полетел на пол. Он сгруппировался, чтобы встать на ноги, а не упасть на бок и вновь атаковать соперника. Но повторный удар, теперь в спину, встретил его в полете, сбил движение. Макото приземлился не на ступни ног, а на одно колено, которое подвернулось от мгновенного удара. Он сам резко «выбросил»

в сторону соперника ногу, но не достал. А боль, не оставляя кисть, появилась уже в локте и плече и, развернув его на живот, прижала к полу. Суставы хрустели — уйти было невозможно, а сопротивляться бесполезно — при малейшем движении боль придавливала тело вниз. Лийч не сдавался. Боль распространилась на область лопатки, бок, «потекла» по спине к позвоночнику, словно на спину вылили расплавленный воск. Боль пронзила позвоночник и через шею передалась к затылку. «Все!» — понял Лийч и, дважды хлопнув по паркету площадки, тихо произнес: «Маитта!» («Сдаюсь!»).

...Боль отпускала медленно. Лийч поднялся с пола, поклонился своему сопернику, судьям, сошел с площадки и уже хотел идти в раздевалку, как вдруг зал взорвался громом аплодисментов, возгласов недоумения и восторга. Макото обернулся, и все поплыло у него перед глазами — на площадке в лучах юпитеров стоял Сигееси Сегути, тот самый старик Сигееси, которому Лийч хотел доказать свое превосходство. Так, значит, болельщица Сегути была лишь поводом для того, что в качестве мастера-тени принять участие в турнире, возможно, последнем турнире в жизни старого наставника. И вот он, старик, одержал победу над ним, над Лийчем Мако-

то, доказав всем, на что способен настоящий мастер, даже старше семидесяти лет.

Лийч не слышал оживления, воцарившегося в зале, он почти бегом покинул спортивный комплекс и, доехав до гостиницы, заперся в своем роскошном номере, в котором все теперь раздражало. Лийч бессильно опустил ся в кресло, бросив сумку со спортивной формой на пол. Сидя в кресле, дотянулся до бара, вытащил первую попавшуюся бутылку, открыл крышку, плеснул в высокий бокал зеленоватую жидкость и почти залпом выпил. Но алкоголь не принес ожидаемого расслабления, а вызвал приступ ярости. Как, как он мог проиграть этому добренькому старичку с непреклонной волей и умением, не сопротивляясь добиваться своего, подчинить ученика этим нелепым законам средневековой доблести.

За океаном Лийч понял, какая это чепуха быть вежливым, уступчивым, внимательным, предупредительным, добрым. Жизнь учила его добивать упавшего, отталкивать соседа, добиваться своего силой. Жизнь жестока, а этот старик с самого детства твердил о чистоте содержания каратэ и других Будодисциплин. Он так ничего и не понял в жизни. Лийч еще глотнул крепкого, обжигающего напитка. Мысли мешали собраться, но что-то

ясно росло в его сознании, приближаясь как страшилище в детском сне. «Смерть!» — четко понял Лийч, смерть его идей, замыслов, планов. Новый приступ ярости подбросил его с кресла, к горлу подкатил комок, дышать стало тяжело, тягучая дурнота окутала с головы до ног, голова закружилась.

Сильный удар поразил его через левую половину грудной клетки, словно страшное средневековое копье с зубринами пробило его насквозь. Макото отбросило к стене, бокал со звоном рассыпался, ударившись о край стола, и Лийч, бессильно цепляясь за гладкую поверхность стен, стал медленно оседать на мягкий ворс дорогого ковра.

ПОСЛЕДНИЙ ЭКЗАМЕН

Учитель спросил: «Если люди будут бить тебя палкой и мечом, что подумаешь ты?»

— Что эти люди хорошие и кроткие, так как они бьют меня только палками и мечами, но не лишают меня совсем жизни.

«Но если бы они лишили тебя окончательно жизни, что думал бы ты об этом?»

— Что эти люди хорошие и кроткие, которые столь малым страданием избавляют меня от этого тела, полного нечистот.

— Хорошо, — сказал учитель, — ты можешь жить среди людей. Ступай».

**ЛЕГЕНДЫ, ИСТОРИИ, ПРИТЧИ
О МАСТЕРАХ БОЕВЫХ ИСКУССТВ**

Формат 60×84|16. Бумага писчая № 1.

Гарнитура литературная.

Печать высокая. Усл.-печ. л — 4,2.

Уч.-изд. л — 4,9. Тираж 10000

Котласская типография, ул. Невского, 20.



法道